

РОМАН БЕЛОУСОВ

ОПАСНАЯ АГЕНТКА

Преступная карьера вероломного гангстера, главаря лондонской мафии Джонатана Уайлда. А рядом — секретная миссия при русском дворе отважного кавалера д'Эона, случайно принужденного почти всю жизнь скрываться в женском платье.

Два больших приключения, две драмы, две тайны. Так и называется следующая книга нашей серии — «Две тайны».

РОМАН БЕЛОУСОВ

опасная агентка

МОСКВА

РИФ «КОРОНА-ПРИНТ»

1990

Каролина Собаньская

Рисунок А. С. Пушкина

ISBN 5-85030-016-3 © РИФ „Корона-принт“

ОКО ТАЙНОГО НАДЗОРА

Максим Яковлевич фон Фок был человеком неумейной энергии. По его виду, однако, этого нельзя было сказать. Плотный, пожалуй, даже грузный, с размеренными неспешными движениями и солидной походкой, он производил впечатление медлительного и ленивого. Черты лица под стать фигуре: большой прямой нос, сильный подбородок, тонкая полоска плотно сжатых губ, лоб высокий, массивный. Только в глазах, живых и пронизательных, отражалась внутренняя энергия этого поистине неутомимого человека.

Не один год истово трудился он, создавая сложный механизм сыска и тайной агентуры. Денно и ночью пекся об охране тишины и спокойствия в империи, направлял и осуществлял надзор над неугодными и опасными элементами. Деятельность его была

обширной и, надо признать, плодотворной, а созданная его трудом организация отличалась для своего времени довольно высоким уровнем.

Фон Фок происходил из остзейских дворян. Он любил во всем порядок, был аккуратным и педантичным. Фон Фок сумел наладить четко действующий аппарат сыска. Поначалу он входил в министерство полиции, а с его упразднением в 1819 году перешел в подчинение министерства внутренних дел, где часть, возглавляемая фон Фоком, именовалась Особой канцелярией.

Сыскное дело фон Фок действительно сумел поставить так, как, пожалуй, никогда еще не бывало в истории России.

Политические противники, явные и тайные, всегда требовали внимательного наблюдения, а при необходимости и репрессирования. Для этого в разные исторические времена существовали по-разному называемые карательные органы.

При тишайшем Алексее Михайловиче это был вездесущий Приказ тайных дел, одной из задач которого было выявление и расправа с неугодными царю лицами.

К помощи "тайных доносителей" широко прибегал Петр I, специально создав Преображенский приказ с целью разоблачения царских недругов.

В дальнейшем менялись лишь вывески, суть оставалась та же: тайная канцелярия при Екатерине I, канцелярия тайных розыскных дел при Анне Иоан-

новне и Елизавете Петровне, тайная канцелярия при Екатерине II.

Был, правда, момент, когда Петр III, решив, что надобность в такого рода придворном застенке отпала, упразднил розыскных дел канцелярию, а дела оной приказал взять в Сенат и положить "за печатью к вечному забвению в архив". Но запрет этот длился недолго, как недолгим оказалось и правление Петра III.

Как правило, все эти Приказы и Канцелярии подчинялись непосредственно монарху. А те, кто когда-то возглавлял сыскное дело, например, А. И. Ушаков, А. И. Шувалов, С. И. Шешковский и другие, оставили по себе печальную славу в народной памяти.

Успеху фон Фока на поприще политического сыска способствовал ряд обстоятельств, но прежде всего личные качества директора Особой полицейской канцелярии. С одержимостью, чуть ли не страстью, отдавался фон Фок делу, работая буквально не покладая рук. Бисерным почерком писал он по разным поводам всевозможные справки и заметки, составлял бюллетени.

Начинал фон Фок как военный, затем перешел в полицию и выдвинулся при Я. И. Санглене, известном не столько своими литературными, сколько полицейскими способностями. У него прошел хорошую школу, став, в конце концов, главным оком тайного надзора.

С тех пор кто бы ни стоял во главе полицейского ведомства — деятельный А. Д. Балашов, безразличный В. П. Кочубей или престарелый В. С. Ланской, — фон Фок по-существу возглавлял всю практическую деятельность секретной части, хотя и подвизался как бы на вторых ролях. Это же положение сохранил он и тогда, когда было создано пресловутое Третье отделение — высшая тайная полиция при Николае I. Во главе нового рода полиции, призванной "открывать всякие дурные умыслы против правительства", был поставлен А. Х. Бенкендорф, а пост его заместителя и фактического руководителя или, как тогда говорили, управляющего по-прежнему занял незаменимый фон Фок.

В этой должности дослужился он до тайного советника (чин немалый — третий класс из четырнадцати согласно табели о рангах), что соответствовало армейскому званию генерал-лейтенанта.

Глава высшей полиции, ее главноуправляющий А. Х. Бенкендорф мало что смыслил в делах сыска, да и охоты к этому ремеслу, по правде говоря, не имел, как скажет его современник барон М. А. Корф. К тому же он отличался беспамятством и был так рассеян (этим же, кстати, славился и его отец), что нередко становился из-за этого мишенью острословов. Единственно, в чем он отличался, было волокитство.

Легко понять, что такой управляющий, как фон Фок, вполне устраивал "бестолкового царедворца".

Больше того, как свидетельствует Н. И. Греч, Бенкендорф был "одолжен фон Фоку своею репутацией ума и знания дела".

Надо, однако, заметить, что нерадивость Бенкендорфа не делала его добрее и благороднее. Отсутствие у него, по словам А. И. Герцена, энергии, воли и сердца возмещалось ожесточением.

Если поведение шефа часто объяснялось его недомыслием и порочными чертами характера, то помощник, человек по общему мнению умный, образованный и вполне светский, сознательно надевал личину чуть ли не сторонника свободомыслия, в сущности оставаясь при этом обычным провокатором.

Как и Бенкендорфа, у которого, по замечанию того же А. И. Герцена, был обманчиво добрый взгляд, фон Фока отличало поразительное умение носить маску доброжелательного человека. Хорошо знавший его Ф. Ф. Вигель в своих известных воспоминаниях называет фон Фока "немецким мечтателем". Он действительно сумел создать о себе репутацию человека незлобивого, как будто и не расположенного "под кого-либо подыскиваться". И только когда гневался, лицо его принимало строгий вид, огромная на правой брови бородавка, обросшая волосами, начинала дергаться, что приводило в страх собеседника, особенно во время допросов.

Вообще говоря, роль фон Фока еще не достаточно изучена. Можно, однако, полагать, что значение его как хранителя государственных устоев, организатора

слежки и гонителя всех честных и передовых людей эпохи было куда важнее, чем мы до сих пор представляем. Все общество фон Фок делил на "благонамеренных" и "недовольных". Умонастроение последних было хорошо ему известно благодаря широкой политической разведке, которую осуществляло во всех слоях немалое число его информаторов.

Донесения фон Фока о настроениях в обществе с анализом умонастроения отдельных его слоев, причем, анализом всегда вдумчивым и откровенным, через Бенкендорфа в рукописном виде попадали непосредственно царю. Фон Фока ценили и его деятельность поощряли.

Агентурные сведения, получаемые им, аккуратно хранились в ящиках полицейского надзора. Иначе говоря, были заведены картотека и архив, что в известной степени являлось новшеством, введенным неумолимым главой сыска.

В числе осведомителей у него состояли, к примеру, Е. А. Хотяинцева, жена придворного актера; А. С. Лефебр и И. Локателли, оба писавшие свои донесения по-французски; некий Гуммель, докладывавший на немецком (фон Фок свободно владел несколькими языками); О. В. Кобервейн и К. М. Фрейганг, И. А. Попов и какой-то Гофман, а также одна неизвестная по прозвищу "Сивилла" (предполагают, что это была гадалка, "работавшая" среди солдат). И многие другие образованные и совсем малограмотные люди, имена которых не удалось разгадать.

Отличался начальник сыска и способностью "отыскивать и отличать скромных вернослужащих" среди литераторов. Проще говоря, вербовал агентов из числа слугителей муз.

Из известных можно назвать Ф. В. Булгарина, заклеяменного кличками "патриотический предатель", "Видок-Фиглярин" и другими; усердно трудился на фон Фока столь же популярный, сколь и загадочный театралный критик и переводчик А. Л. Элькан (это его вывел Грибоедов в образе доносчика Загорецкого, а Лермонтов — Шприха); тайными агентами являлись относительно известный поэт и драматург С. И. Висковатов; сомнительной репутации писатель, издатель, а прежде всего аферист Н. И. Тарасенко-Отрешков, прозванный Пушкиным двуличным и изображенный Лермонтовым под именем Горшенко в неоконченном романе "Княгиня Лиговская"; бездарная поэтесса Е. Н. Пучкова, сотрудничавшая в газете "Русский инвалид", (Пушкиным написаны на нее две эпиграммы). Есть сведения, что тайная полиция пыталась завербовать драматурга М. Н. Загоскина. Причем, вербовать агентуру не гнушались сами руководители сыска. Известно, что фон Фок и Бенкендорф лично обращались с предложениями оказывать им услуги и сообщать секретно обо всем, что покажется достойным внимания.

Случалось фон Фоку заполучить рыбку и покрупнее. В числе его агентов попадались представители большого света, причем, дамы и девицы, вра-

щавшиеся в высших слоях общества. Многие из них шпионили исключительно ради того, чтобы служить, как им казалось, интересам отечества. Таковы были, скажем, князь А. Ф. Голицын, граф Л. И. Сологуб, отец красавицы Надежды Львовны, за которой ухаживал Пушкин; его знакомая графиня Ю. П. Строганова, по прозвищу "португалка".

К разряду правительственных шпионов принадлежала и загадочная Т. С. К. Ее подослали к К. Ф. Рылеву и она сумела войти к нему в доверие. Поэт даже увлекся ею и посвятил ей несколько стихотворений.

Действовала она, надо сказать, очень ловко, даже талантливо, мастерски разыграв целый спектакль. Все ее поведение, как позже вспоминал Рылеев, отличалось необыкновенной деликатностью и осторожностью, так что "самая бдительная щекотливость не могла тревожиться..." И лишь случайно друзья поэта узнали, что эта милая дама была подосланным агентом.

Имя ее так и осталось для нас полностью не расшифрованным. Известно, что она была полькой и звали ее Теофилией Станиславовной.

По ведомству фон Фока следует числить и тех, кто в пылу верноподданнических чувств писал доносы, причем часто заведомо ложные. Страх и подозрительность, охватившие царя и его окружение после 14 декабря, порождали благоприятную атмосферу для доносительства, достигшего в то время "степеней

чрезвычайных". Нашлись откровенные циники, предлагавшие официально учредить систему доносов.

И люди без чести и совести, у которых было вытравлено чувство порядочности и которых ничто не останавливало, трудились не покладая рук.

Следует, однако, заметить, что до создания по проекту Бенкендорфа (написанного, надо думать, не без участия фон Фока) особой полиции, то есть Третьего отделения, политический надзор помогали осуществлять в стране различные учреждения.

Деятельность канцелярии фон Фока распространялась главным образом на столицы, а в провинции, особенно в войсках, имелись свои органы надзора. Так, при гвардейском корпусе действовала своя военная полиция, учрежденная в начале 1821 года. Существование этой "местной" полиции "покрыто было непроницаемою тайной".

По образцу гвардейского корпуса учредили секретную полицию и во 2-й армии, причем, об этом просил непосредственно ее начальник штаба П. Д. Киселев.

К разведывательной деятельности имели отношение всесильный А. А. Аракчеев и начальник Главного штаба И. И. Дибич.

Широкую агентурную работу вел и И. О. Витт — начальник военных поселений на юге России. Ему вменялось в обязанность по совместительству наблюдать за южными губерниями, и в особенности за городами Киевом и Одессой.

Сведения о настроениях и толках, о "злонамеренных людях" и прочих врагах отечества, добытые через агентов, Витт докладывал фон Фоку или Бенкендорфу.

ИНТРИГИ – ЕГО СТИХИЯ

В Одессе начала двадцатых годов прошлого столетия кипела торговая, светская и театральная жизнь, но шла и другая, скрытая от глаз деятельность. Местные власти с тревогой отмечали, что в городе "бродят сумасбродные и опасные идеи".

В столице не на шутку встревожились. Ни контрбанда, ни что другое не доставляли столько забот полиции, как всевозможные подпольные общества. К их числу относилась масонская ложа "Понт Эвксинский". Впрочем, как и все масонское движение в целом, вернее, его русская часть, одесский тайный масонский кружок не представлял серьезной опасности. Тем более, что одесская ложа, как и другие, находилась под пристальным вниманием полиции, там у нее имелись свои люди.

Больше хлопот приносило подпольное общество греческих патриотов "Филики Этерия", обосновавшееся в Одессе. Но и оно заметно утратило активность после неудачного выступления против турок князя Ипсиланти в 1821 году.

Куда серьезнее и опаснее были польские смутяны – представители польского национально-освободительного движения.

Но еще более опасными считались русские заговорщики. Агенты намекали на существование некоего тайного общества, цель которого, как можно было догадываться, свержение самодержавия.

Авторы этих донесений были недалеко от истины. Известно, что накануне выступления декабристов Одесса стала одним из центров политической деятельности южного тайного общества. Здесь, на юге, происходили конспиративные встречи представителей русских заговорщиков с членами польского Патриотического общества. Сюда съехались многие из будущих декабристов.

Место и время для секретных встреч в самом деле были подходящими. Морские купанья, итальянская опера, оживленная торговля привлекали летом многие русские, но особенно польские семьи. При скоплении народа легче было незаметно встречаться представителям русских и польских тайных организаций.

На след заговорщиков агентам сыска долго не удавалось напасть. Встревоженное высшее начальство отдавало распоряжения изловить их, и работяга фон Фок со свойственным ему рвением принимался за исполнение. Сам император требовал исчерпывающих сведений о подпольных союзах и обществах.

Надзор за недовольными, по терминологии фон Фока, в Одессе осуществляли общая полиция, подчиненная градоначальнику графу А. Д. Гурьеву, наемные агенты сыска и добровольцы-осведомители. Осо-

бая миссия была возложена, как было сказано, на генерала Витта. Словом, без дела ни те, ни другие не сидели, здесь было за кем вести наблюдение. Однако все попытки нащупать и внедриться в среду заговорщиков оканчивались пока ничем.

Сегодня нам известна вероломная деятельность графа Витта. Мы знаем, что он был мастером провокации и клеветы, фигурой зловещей ничуть не менее, чем фон Фок. Даже люди его круга, знавшие о его деятельности, отзывались о нем как о негодяе, достойном виселицы.

Не подумайте, однако, что это был монстр, от которого все шарахались. Совсем наоборот, внешне Иван Осипович Витт отнюдь не производил отталкивающего впечатления. Ничего в его наружности не было такого, что выдавало бы внутреннюю его природу.

Небольшого роста, стройный, поджарый, он отличался необычайной подвижностью. Про него говорили, что "у него ртуть течет в жилах". Он действительно казался весьма активным человеком, "полным огня и предприимчивости". Собственно, так оно и было. "Деятельность его умственная и телесная были чрезвычайные", — отмечал Ф. Ф. Вигель в своих воспоминаниях.

Как двуликий Янус, к людям он оборачивался всегда выгодной ему стороной. Вежливый, вкрадчивый, обходительный, особенно с дамами (слыл донжуаном), он умело скрывал свою истинную сущность.

Эти свойства, а также живой ум и общительность создали ему репутацию светского и просвещенного человека. Однако и это не соответствовало его содержанию.

На самом деле он был малообразован, чуть ли не полуграмотен, ибо "ничему не учился". Это, правда, не помешало ему в двадцать лет стать полковником.

Военная его карьера претерпела многие перипетии. Служить начал в русской армии, сражался под Аустерлицем, был контужен и вышел в отставку. Но два года спустя, в 1809 году, добровольно пристал к Наполеону. Изменой это тогда не считалось, т.к. Россия была еще союзницей Франции, но после 1812 года ему это припомнили.

Оправдываясь, он объяснял службу у французов своим польским происхождением — дед был комендантом польской крепости Каменец-Подольский в 1781 году, когда он родился. Много позже, напоминая о своих заслугах, он заявит нечто иное: мол, на него было тогда возложено лично царем поручение особой важности. Иначе говоря, намекал, что переход на сторону французов был предпринят с ведома русских.

С 1811 года Ян Витт (Иваном Осиповичем его называли в России) состоял на службе в Княжестве Варшавском. По одним данным он находился здесь в качестве тайного наполеоновского агента, по другим — выполнял задание как русский шпион. Впрочем, с него могло статься, что он служил сразу двум

хозяевам, ибо "всякого рода интриги были стихией этого человека".

Так или иначе, но с этого времени шпионская деятельность становится его второй профессией.

После возвращения в русскую армию, с 1812 года, ему нередко приходилось выполнять по совместительству различные секретные поручения агентурного характера. Видимо, он успешно с ними справлялся, иначе царь не доверил бы ему наблюдение за южными губерниями и не поручил использование агентов так, чтобы никому о них не было известно.

С присущей ему энергией Витт развернул бурную деятельность по выявлению злонамеренных, собирал через своих агентов сведения, вынюхивал, выслеживал, доносил по начальству, то есть самому фон Фоку. Надо признать, что его усилия, к сожалению, оказались не бесплодными, о чем речь впереди.

Пока же скажу, что прирожденный интриган Витт унаследовал склонность к авантюрам вместе со смуглым обликом от своей знаменитой матери Зофы Клавоне, родом гречанки. Под этим именем она начала свой путь служанкой в одной из кофеен Галати, пригорода Стамбула, где ее, семнадцатилетнюю, в 1778 году увидел и купил польский дипломат Карол Боскамп-Лазопольский. История этой женщины сама по себе заслуживает особого повествования. Ее жизнь привлекала многих исследователей и литераторов. Ее воспел в знаменитой поэме "Зофьювка" С. Трембецкий, а в поэме "Вацлав" Ю. Словацкий.

Максим Яковлевич фон Фок

Напомню здесь лишь основные моменты ее бурной биографии.

После того, как в Стамбуле ее заметил польский дипломат, прекрасная гречанка, как прозвали Зофью, перебралась в Польшу. Здесь она вышла замуж за Юзефа Витта, сына упомянутого коменданта крепости Каменец-Подольский. Он хоть был и намного старше, но оказался единственным, кто решился предложить ей свою руку. Вскоре молодожены укатили в Париж, по дороге заехав в Берлин и Вену.

Учитывая любвеобильный характер стамбульской гречанки, можно предположить, что и после замужества пани Виттова не отличалась особым постоянством. Известны, по крайней мере, имена двух ее любовников — тогда еще молодого графа Прованского, впоследствии ставшего королем Людовиком XVIII, и генерала Николая Салтыкова.

Трудно сказать, как долго и с кем продолжались бы ее похождения, если бы она не приглянулась князю Потемкину.

Всесильный фаворит русской царицы сделал так, что прекрасная гречанка стала его наложницей. Он увез Зофью в свою ставку главнокомандующего армией, а ее мужа принял на русскую службу с повышением в чине. В одно прекрасное утро майор Витт узнал, что произведен в генералы и назначен комендантом Херсона. А неразведенная жена его оказалась в Яссах, где Потемкин демонстрировал ее, словно "великолепный трофей", явил по этому поводу Ф. Ф. Ви-

гель, а "она гордилась привязанностью человека, которого слушалась вся Россия".

Светлейший князь, не чуждый тщеславия, любил выставлять напоказ свою наложницу и даже брал ее с собой в Петербург, где "для выставки развозил ее с собою в открытом кабриолете по улицам и гуляньям", шокируя чопорных столичных обывателей.

Замечу, что не только красотой своей любовницы пользовался "светлейший". Есть сведения, что она выполняла, и небезуспешно, тайные политические поручения своего всемогущего покровителя.

Можно сказать, что сын ее Ян Витт впитал с молоком матери склонность не только к любовным авантюрам и политическим интригам, но и к шпионскому ремеслу.

После смерти "светлейшего", Софья Витт сошлась с польским коронным гетманом, впоследствии генералом русской службы Станиславом Щенсыным Потоцким. Это был уже немолодой вельможа, один из богатейших в свое время магнатов, владелец многих поместий, в том числе в Крыму и на Подолии. Здесь, в Умани, в честь Софьи Витт-Потоцкой, как ее стали именовать, он построил знаменитую Зофьевку (Софиевку) – роскошное имение с уникальным парком, сохранившимся до наших дней.

От этой связи родилось несколько детей (молва утверждала, что отцом их был старший сын Потоцкого от его жены Юзефины, урожденной Мнишек), в том числе две дочери Софья и Ольга – единоутроб-

ные сестры И. О. Витта. Обе уродились в мать истинными красавицами и обе, особенно младшая Ольга, славились своими амурными похождениями, по поводу чего тот же Ф. Ф. Вигель, встречавший этих сестер в Одессе, заметил, что "если сие скопление мерзостей дойдет до потомства, не знаю, поверит ли оно ему", и сравнил историю этой семьи с знаменитым итальянским семейством Борджиа, известным своим развратом.

Замуж обе сестры повыходили за крупных российских сановников: старшая за начальника штаба расквартированной на юге второй армии генерала П. Д. Киселева; младшая стала женой генерал-майора Л. А. Нарышкина, двоюродного брата М. С. Воронцова, правителя юга России, и жила в Одессе как раз в то время, когда там находился А. С. Пушкин. Поэт виделся с Ольгой Нарышкиной в обществе, на званых обедах и балах, в доме М. С. Воронцова, с женой которого, Елизаветой Ксаверьевной, Ольга находилась в дружеских отношениях. Это не помешало ей, однако, быть с ее мужем в отношениях иного рода — "соблазнительной связи", как тогда говорили. Ничто также не остановило ее завести многолетний роман с мужем сестры П. Д. Киселевым.

Со старшей, Софьей, русский поэт был хорошо знаком еще по Петербургу, где встречался с молодой полькой в 1819 году и был увлечен этой "похотливой Минервой", с ней связывают замысел "Бахчисарайского фонтана".

Штаб-квартира начальника южных военных поселений И. О. Витта находилась в Елисаветграде. Однако с некоторых пор он зачастил в Одессу, подолгу здесь жил. Его присутствия требовало чрезвычайное положение дел.

Человеку с репутацией "весьма полезного в особенных обстоятельствах" самое время было находиться там, где, по донесениям агентов, плелись нити заговора и готовились к политическим выступлениям.

Была, правда, еще одна причина, которая неодолимо влекла Витта в Одессу, привязывала к ней. Здесь жила его многолетняя любовница Каролина Собаньская.

Что касается заговора, то к тому времени пронырливый Витт уже имел на сей счет кое-какие серьезные данные.

Острым чутьем ищейки он чувствовал, что дальнейшее наблюдение может привести к неожиданным открытиям. В его донесении говорится, что он "счел долгом поручить строгий надзор тайным агентам" за всеми подозрительными. В числе осведомителей состояли горничная его пассии Собаньской, аудитор лицея Суходольский и даже сам его директор И. И. Дудрович. В той же роли подвизались пресловутый И. В. Шервуд, провокатор и доносчик, впоследствии получивший за свою преданность прозвище "Верный" и политический осведомитель Ю. Грушецкий, метивший в адъютанты Витта.

Но главными помощниками Витта по части сыска были два агента. Долгое время они оставались неизвестными, особенно один из них – женщина. Лишь сто с лишним лет спустя, уже в наше время в секретных архивах прошлого века были найдены документы, разоблачающие виттовскую агентку.

ПРОГУЛКА НА ЯХТЕ

В тот год лето выдалось небывало жарким. Духота стояла нестерпимая, и пыльная Одесса превратилась в сплошное пекло.

Прекратились маскарады, благотворительные балы, отменились журфиксы, вечера и званые обеды – неперенные приметы светских развлечений, словом, то, без чего немыслима была жизнь дворянского общества. Замерло, казалось, даже казино, где обычно собиралась пропасть народа. А если учесть, что бульвар, впоследствии столь знаменитый, был посажен лишь два года назад, в 1823 году, и деревья, естественно, не успели взять силу, а галерея для прогулок вовсе не существовала, то отсутствовало и место, где можно было бы после удушливого дня освежиться вечерней прохладой.

Поэтому все, кто мог, покидали город в надежде переждать зной под защитой тенистых парков в родовых поместьях, укрывались на дачах; иные предпо-

читали длительные морские прогулки с неременной остановкой в Крыму, где климат и сама природа помогали переносить жару.

В один из таких знойных дней в одесской гавани появилась ослепительно белая, словно невеста в подвенечном наряде, яхта. Рядом с торговыми судами она и впрямь походила на молодую красавицу, облаченную в белоснежную фату парусов.

На пристани возле причала собралось несколько мужчин. Судя по багажу, который прислуга и матросы переносили в шлюпку, и дорожному платью, можно было с уверенностью сказать, что компания собирается совершить морское путешествие.

Багаж был уже доставлен на борт белоснежной яхты, паруса полны ветра, а отплывающие все еще чего-то ожидали.

Завидев издали направляющийся в сторону порта экипаж, путешественники оживились. Миновав таможенную, казармы и одноэтажные дома, где обычно выдерживали карантин, лошади остановились почти у самого причала.

Двое из мужчин — одним из них был И. О. Витт, другой И. Собаньский — поспешили к экипажу. Третий, помоложе, тоже направился было вслед за ними, но вовремя остановился, поняв, что его помощь запоздает да и вряд ли будет уместна. Мужчины, бросившиеся навстречу даме, имели на то свои права. Более пожилой из них был ее мужем, а другой пользовался особой благосклонностью.

Опираясь на руки сразу двух кавалеров, она вышла из экипажа, улыбнулась и произнесла низким чарующим голосом: "Благодарю вас, друзья мои". Величавой походкой направилась она к причалу, где стояли остальные. Роскошное платье из английского ситца подчеркивало линии ее великолепной фигуры, улыбка не покидала лица, глаза смотрели ласково, и вся она излучала, казалось, необыкновенную доброту и покой. Трудно представить, что эта обольстительная женщина обладала сильным характером, отличалась незаурядной волей и умением подчинять себе.

Милостиво протянув руку молодому человеку для поцелуя, она обратилась к нему: "Надеюсь, вы не пожалеете, что я уговорила вас совершить вместе с нами этот вояж?"

Он что-то тихо ответил, но за общим шумом разговора присутствующих, оживленно обменивающихся репликами, слова его трудно было разобрать.

Так началась эта поездка по морю, одним из участников которой был польский поэт Мицкевич, отбывавший ссылку в Одессе. Он и оказался тем самым молодым человеком, к которому обратилась дама на пристани.

Следует назвать других основных участников этой поездки, состоявшейся в августе-октябре 1825 года.

Самым старшим среди них был граф Иероним Собаньский, престарелый помещик, успешно торговавший зерном, вложивший в это дело все свои ка-

питалы. В Одессе, куда он перебрался в самом начале двадцатых годов, у него был богатый дом и хлебный магазин, иначе говоря, склад зерна.

Незлобливый, можно сказать, даже радушный, он то и дело старался шутить, впрочем, часто неудачно. Да и что ему оставалось делать в роли отвергнутого мужа при неразведенной жене, которая находилась рядом на палубе. Это и была та самая дама, которая пользовалась таким вниманием плывших на яхте, звали ее на русский манер Каролиной Адамовной Собаньской.

В Одессе, Киеве, Петербурге, Варшаве — всюду, где приходилось ей жить и бывать, — она слыла красавицей, ее называли в числе самых блестящих дам светского общества. Среди поклонников были люди незаурядные, в том числе поэты Пушкин и Мицкевич. В жизни и творчестве обоих она оставила след, вдохновив на создание прекрасных стихов, ей посвященных.

Родилась Каролина Собаньская в 1793 году в семидесяти верстах от Бердичева в поместье Погребиче, принадлежавшем семье графов Ржевуских.

Название поместья происходило от подземных пещер — "погребов", используемых как небольшие кладбища.

Мрачные легенды рассказывали об этом, как считалось, зачарованном месте. Ходили слухи, что над родом владельцев поместья тяготело проклятие. Случилось это очень давно, когда старая хозяйка замка,

замурованная в башне своим сыном, прокляла все его потомство. Будто с тех пор по ночам ее призрак, гремя костями и цепями, наводя ужас, бродит по комнатам замка, где двери бесшумно сами отворяются перед ним. И еще говорили, что все, кто рождается в поместье, рождаются без сердца.

Юной девушкой Каролину выдали замуж за Иеронима Собаньского, который был на тридцать с лишним лет старше. Отныне ее называли "пани Иеронимова из Баланувки", где в имени мужа она прозябала некоторое время. Но скучная провинциальная жизнь и роль жены предводителя дворянства — маршалковой ольгополевского повята, ее никак не устраивала. Она не желала похоронить себя в глуши на Подолии. Не для того получила она прекрасное образование и воспитание в доме отца Адама Лаврентия Ржевуского, занимавшего пост предводителя дворянства Киевской губернии, впоследствии ставшего сенатором.

Как и вся семья, Каролина кичилась своим происхождением и любила напоминать, что она правнучка королевы Франции Марии Лещинской. Мать ее Юстина происходила из старинного рода Рдултовских, а по отцу она являлась родственницей княгини Любомирской, которую гильотинировали на Гревской площади в Париже вместе с королевой Марией-Антуанеттой.

Если заглянуть еще дальше в родословную Каролины, то ветви генеалогического дерева ее рода вос-

ходили и по отцовской и по материнской линии к известным в истории гетманам, воеводам и фельдмаршалам и вели чуть ли не к королю Яну Собесскому.

В воспитании Лолины (так называли Каролину близкие) немалую роль сыграла ее тетка графиня Розалия, дочь той самой княгини, которая погибла на эшафоте в Париже.

В детстве Лолина некоторое время жила у этой тетки в Вене. Тогда салон графини Розалии, вспоминал современник, "слыл первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей". Здесь Лолина научилась понимать живопись, играла для гостей на рояле или, как тогда говорили, на фортепьяно, постигала искусство красноречия, в чем потом не знала себе равных. Впрочем, это у нее было скорее наследственное. Ее отец, большой любитель поговорить, попал благодаря этому в поговорку: "С Радзивиллом пить, с Огиньским — есть, с Ржевуским — беседовать". От отца перешла к ней еще одна черта (пожалуй, в этом состоял главный его "талант") : мотовство, подобного которому не было в целой Польше. Буквально за несколько лет он умудрился размотать огромные земельные владения плодороднейшей в Европе земли, повергнув в страх своих потомков, что они кончат дни с протянутой рукой на ступенях костела.

В блестящем салоне графини Розалии помимо искусства вести беседу Каролина овладела умением слушать, ибо уши, внушала ей тетка, служат не

только для того, чтобы выслушивать любовные клятвы. Так же, как уста женщины служат не только для поцелуев, а глаза не только, чтобы смотреть в лицо любимому. "На свете есть много вещей, достойных того, чтобы их видеть, слышать, говорить о них", — нашептывала "страшная тетка". Так прозвали ее в семье за несносный характер и мрачные легенды, окружавшие ее имя. Подобные наставления быстро впитывал молодой, податливый ум, не придавая еще им истинного значения.

Между тем "страшная тетка" продолжала свою разрушительную работу.

Лолина была очень красива, но иметь красоту без разума, наставляла тетка племянницу, все равно, что родиться без состояния. Красота только тогда имеет цену, когда ее увенчивают две драгоценности: искусство жить и ловкость. Можно предположить, что, поучая девушку, графиня вспоминала, как однажды ее застали за портьерой в спальне царицы и как хитро она выкрутилась, никто и не заподозрил, зачем, с какой целью она там оказалась.

Графиня Розалия действительно отличалась всем тем, чему учила племянницу, делясь с ней опытом. С поистине необыкновенной ловкостью она проникала не только в царские опочивальни, но и на секретные заседания государственных деятелей разных стран, выполняя, как можно предположить, задания сразу двух разведок — русской и австрийской.

Для этого и требовалось умение видеть, но еще

больше слышать и запоминать. Этой же цели — сбору интересующей ее информации — служил и знаменитый салон графини, владевшей столь необходимым в таких случаях искусством развлекать гостей. Даже игру в карты (она была заядлая картежница) графиня использовала для того, чтобы выведывать у партнеров нужные ей сведения.

Такова была оборотная сторона жизни графини Розалии, о которой мало кто знал. Со временем Лолита часто будет вспоминать свою тетку, преподававшую ей первые уроки "искусства жить". Как увидим, племянница оказалась вполне достойной ученицей и продолжательницей своеобразного ее таланта.

Стоит, пожалуй, еще несколько слов сказать о внешности Каролины Собаньской, представить, так сказать, ее облик, тем более, что портретов ее не сохранилось, во всяком случае до сего дня не известно ни одно достоверное ее изображение.

Она была высокого роста, с прекрасной фигурой, пышными плечами, увенчанными головой Дианы на божественной шее. А "какая стройность, что за голос и что за манеры", — восклицал Ф. Ф. Вигель, посещавший дом Собаньской в Одессе, где "находил большую отраду". Правда, поразив его, хозяйка отнюдь не проникла в его сердце, но он признавал, что это было "существо особого рода".

О ее необыкновенных огненных глазах, которые, раз увидев, невозможно было забыть, вспоминали многие современники. Глаза эти обжигали ка-

ким-то затаенным пламенем и, казалось, тайно сулили неземные радости. С годами она, однако, перестала прятать чувственность за милыми улыбками и довольно открыто стала поклоняться Приапу — богу сладострастия. И скажем прямо, весьма преуспела в этом. Искусством обольщения или, иначе говоря, умением распалять страсти в мужчинах, она владела как никто. Видимо, и здесь не обошлось без тетушкиных наставлений. Не потому ли все современники, рисуя в своих воспоминаниях портрет Каролины Собаньской, ослепленные ею, в один голос превозносят редкую ее привлекательность.

На яхте среди путешественников находился очень красивый, похожий на Каролину, сравнительно молодой человек. Это был старший из ее братьев Генрих Ржевуский. Впоследствии он станет известным романистом, автором "Воспоминаний Соплицы" и других книг, воспевавших старосветскую шляхту былых времен.

Тогда же, во время плавания на яхте, Генрих Ржевуский развлекал всех своими устными рассказами, мастерски изображая колоритных типов старой Польши, чем приводил в восторг всю компанию, особенно Мицкевича, который убеждал его взяться за перо и предсказывал громадный успех.

Заодно скажу об остальных братьях и сестрах Собаньской. Братья Эрнест и Адам были военными. Последний дослужится до звания генерал-адъютанта при царском дворе. Сестра Алина выйдет замуж за

брата композитора Монюшко и будет жить в Минске. Другая сестра Паулина не без помощи Каролины станет супругой Ивана Семеновича Ризнича, богатого одесского негоцианта, первая жена которого, рано умершая красавица Амалия Ризнич, поразила сердце Пушкина и была им воспета.

Но наибольшую известность приобретет сестра Эвелина, в замужестве Ганская, впоследствии жена Бальзака.

На борту яхты находился еще один участник вояжа, если не очень приметный внешне, то игравший далеко не последнюю роль.

Держался он скромно и чаще хранил молчание, предпочитая слушать других. При этом чуть наклонял голову и, глядя в глаза, как бы поощрял: "Продолжайте, я весь внимание."

Человек явно не глупый, начитанный, владевший несколькими языками и умевший, когда надо, красноречиво говорить, Александр Карлович Бошняк появился в одесских гостиных всего несколько месяцев назад. До этого он жил в своем херсонском имении близ Елисаветграда, незадолго перед тем полученном по наследству.

Что можно сказать о его жизни и деятельности? Каковы его "анкетные данные"? Они достаточно скудны. Обучался в московском университетском пансионе, служил, как и многие юноши из дворян, в московском архиве, участвовал в ополчении, снова служил, на этот раз в департаменте внутренних дел.

Затем уволился и поселился в родовом имении в Костромской губернии, где имел около двухсот душ крестьян. Жил уединенно, проводя дни в занятиях сельским хозяйством и увлекаясь ботаникой и энтомологией.

Видимо, необходимая для натуралиста наблюдательность была развита у него в совершенстве. И надо полагать, он слыл знатоком. Иначе его не избрали бы членом московского общества испытателей природы. К тому же он открыл растение, названное его именем. На сем ученом поприще и лелеял надежду достичь еще большей известности. И он добьется ее, но благодаря открытиям совсем иного рода.

Переселение А. К. Бошняка в полуденный край России ознаменовало поворот в жизни этого тридцативосьмилетнего любителя бабочек и цветов. Сам он так отозвался об этой перемене: "Судьба увлекла меня невидимо, и я с удивлением очутился на обширнейшем поприще".

Что имел в виду автор этих слов? Какое поприще подразумевал?

— Кто этот господин? — поинтересовался Мицкевич, улучив момент, когда Бошняк не мог слышать его. — Говорят, он занимается ловлей мошек?

— О, да, — отвечал Витт, к которому был обращен вопрос, — он большой мастер в ловле всякого рода тварей, — генерал хитро улыбнулся. Как понимать сей ответ, недоумевал Мицкевич. И словно угадывая его мысли, генерал поспешил исправить свою оплош-

ность и рассеять недоумение, виновником которого стал он сам.

— Александр Карлович, в самом деле, редкий в этом смысле человек — настоящий охотник. Видели бы вы его коллекцию. Впрочем, поговорите с ним сами и вы убедитесь, какой это интересный собеседник.

Приблизительно такой разговор состоялся между Виттом и Мицкевичем во время поездки в Крым. Об этом много лет спустя Мицкевич рассказал дочери, со слов которой, собственно, и узнали об этом эпизоде биографии польского поэта.

И еще известно, что Мицкевич не раз беседовал с Бошняком и тот расспрашивал, где поэт родился, каково положение у него на родине, что привело его в Одессу и чем он теперь занимается.

Вопросы казались обычными и поначалу Мицкевич охотно отвечал, причем, более пространно, чем этого требовал простой вежливый ответ. Но потом, сопоставив все обстоятельства, насторожился. Поднадзорное его положение требовало быть более осмотрительным.

Какую роль играет этот любознательный энтомолог при генерале? Вспомнилась невольно вырвавшаяся у Витта и показавшаяся двусмысленной шутка о ловле им "всякого рода тварей". Нет, не отсюда надо начинать. Следует прежде всего помнить, кто такой сам Витт. Ведь предупреждали же друзья накануне отплытия, что он шпион императора и надо быть осторожным в разговорах с ним. Если это так,

то наверняка близкий к генералу человек принадлежит к тому же древнему племени сикофантов — профессиональных доносчиков.

Невеселые эти мысли заставили Мицкевича припомнить дотошные расспросы скромного Александра Карловича, его взгляд из-под очков, как бы поощряющий к откровенности. И он вдруг отчетливо осознал, что все, кто находится на этой яхте, собрались здесь совсем не случайно, как и сама поездка не является просто увеселительной прогулкой. Его охватило чувство тревоги. Он стал вспоминать, о чем говорил с Бошняком, какие позволил суждения. И вообще, чего хотят от него эти двое? Чтобы он рассказал им о поляках членах Патриотического общества? Об их связях с русскими заговорщиками?

Если допустить, что оба, и Витт и Бошняк, были шпионами, то кто же в таком случае Каролина Собаньская? Не может быть, чтобы Джованна, как он ее называл, и которой не на шутку увлекся, могла быть причастной к грязным делам этих ищеек. Нет, конечно. Если ее и использовали, то как приманку, лишь для того, чтобы уговорить его на поездку; знали, что он не откажет ей в просьбе разделить с ними компанию.

Компания, прямо скажем, собралась своеобразная. Назовем вещи своими именами: рядом с поэтом находились двое — руководитель сыска и его ближайший помощник, агент номер один. Оба они могли предполагать, что поэт-вольнодумец, еще не-

давно находившийся под следствием и высланный под надзор полиции, поддерживал связь с теми, кто их особенно тогда интересовал.

Получалось, что его хитростью заманили в поездку, а Каролина, сама того не ведая, сыграла роль приманки, на которую он клюнул.

Если насчет Витта он был предупрежден, а о Бошняке возникли справедливые подозрения, то Каролина так же обманута, как и он сам.

Она и не подозревает, кто ее окружает, среди каких опасных людей находится. Тут же с тревогой подумалось: ведь Каролина любовница Витта, чего она не скрывает и чем иногда даже бравирует. Но она не любит генерала, и говорила, что союз этот ей в тягость, ведь он женат и надеяться на развод не приходится. Однако и порвать с ним не решается — одной возвышенной любовью сыт не будешь...

В начале плавания погода благоприятствовала путешествию. Правда, на другой же день, как это бывает на юге, с утра небо затянуло тучами, внезапно налетел ветер, начался шторм. Оставаться на палубе было невозможно. Страдая от качки, все разошлись по каютам. Лишь к вечеру море уgomонилось. И тогда, словно обретшие свободу, пассажиры ринулись на палубу. Свежий воздух быстро вернул бодрость, а великолепный вид заходящего над морем солнца привел всех в восторг, подняв настроение.

— Говорят, ваши импровизации производят изумительное впечатление? — обратилась к поэту

Каролина. — Он промолчал. Ему действительно приходилось в Одессе выступать на заданную тему. Обычно он импровизировал у рояля, окруженный толпой гостей. Например, в доме Иоанны Залеской, которой, по его признанию, он был поначалу пленен и мечтал любить ее тайно, без надежд.

Во время этих выступлений, по словам очевидцев, Мицкевич весь преображался. Спокойный взгляд его черных глаз сменялся каким-то лихорадочным блеском, пышные кольца волос, покрывающих как бы выточенную голову, откидывались назад. "Все слушали с волнением и слезами", — отмечал современник, и все хотели стать свидетелями этого удивительного зрелища.

— Отчего ни разу не блеснули своим талантом перед моими гостями? — продолжала Лолина с выражением огорчения на лице. — Эта Залеская счастливее меня. — И, не дав ему возразить, продолжала. — Вы пели перед ней. Возможно ли предпочитать ее обществу?! — губы капризно изогнулись и огненные глаза обожгли его ревнивым взглядом.

— Для моей Джованны я готов петь когда угодно, только прикажите, — с галантностью менестреля отвечал он.

Яхта шла относительно близко от берега. Чайки подлетали к самому борту, некоторое время сопровождали судно и, отстав, исчезали.

Подошел Витт и она поспешила переменить тему.

— Граф, вам должны быть знакомы предания ва-

шей семьи, — обратилась она к нему. — Правда ли, что одна из Потоцких стала пленницей татарского хана?

— Так говорит легенда, — охотно отвечал тот. — Замечу, однако, что фамилия Потоцких, как вам известно, не столь уж редкая. Сомневаюсь, чтобы невольница хана принадлежала к знаменитому роду.

— Ваша сестра Софья полагает обратное, — как бы вступая в спор, заметила Каролина. — Я сама слышала, как она говорила, что Пушкин в своей поэме "Бахчисарайский фонтан" воспользовался преданием вашей семьи.

— Уж не сама ли Софья и поведала Пушкину это предание? Кстати, — обратился он к Мицкевичу, — этот юный сочинитель еще недавно разделял наше общество. И как бы отвечая самому себе, заключил. — Весьма остер на язык. И строптив, строптив...

— Вам не нравится, когда думают не так, как вы, — показалось, что она раздражена и хочет его задеть.

— Отчего же. Полагаю, однако, что всяким вольностям должна быть мера. Этот Пушкин, — он снова обратился к Мицкевичу, — положительно вскружил головы нашим дамам. Вы с ним не знакомы?

— Не приходилось.

— Он очень милый и прекрасный собеседник, — продолжала она противоречить из упрямства.

— О да, вам лучше знать, — произнес Витт с явной иронией. — Кажется, с ним вместе вы читали этого француза Бенжамена Констана.

Иван Осипович Вутт

— Любезный граф ревнует? — с наигранным удивлением отметила она, блеснув жемчугом зубов.

Обезоруженный улыбкой и словно оробев под лучистым взглядом, он примирительно пробормотал:

— Полно, при чем здесь ревность.

Мицкевичу показалось, что он присутствует при пикировке двух супругов. Теперь пришел его черед возревновать. Дело не только в ее многолетней связи с Виттом, о которой все знали, да и она сама не скрывала. А ее отношения с Антониом Яблоновским? Он слышал, как однажды она назвала его интимно Тосей. Рассказывали, правда, что еще до приезда Мицкевича князь Яблоновский был увлечен Амалией Ризнич. Будто бы он даже соперничал с Пушкиным в бытность того в Одессе, но имел, кажется, больший успех. Во всяком случае, когда прекрасная, но смертельно больная Амалия отправилась на лечение в Италию, сопровождал ее Яблоновский.

Это было тогда, а сейчас? Князь Антоний — частый гость в салоне Собаньской. Бывает, она беседует с ним наедине. Но что здесь особенного, размышлял Мицкевич, желая быть благоразумным и стремясь погасить вспыхнувшее чувство ревности. Точно так же ей случается беседовать и с другими посетителями салона.

РОЖДЕННАЯ БЕЗ СЕРДЦА

Когда-то, еще в Вене, желая во всем подражать тетке Розалии, Каролина мечтала иметь такой же, как у нее салон. Теперь мечта ее осуществилась. В роскошно обставленном доме Собаньской можно было видеть заезжих примадонн из Неаполя и Рима, скрипачей из Вены, пианистов из Парижа. В ее салоне слышалась гортанная восточная речь, мелькали белые чалмы и шоколадные лица. Бывали здесь и те, кого не шокировала хозяйка, открыто пренебрегающая законами света. Она знала, что ее называют наложницей, конкубинкой, но умела и в этом унижительном положении проявлять выдержку, не замечать осуждающего шопота за своей спиной.

Вот как говорит очевидец о ее "необыкновенно смелом" поведении: "Не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий ропот негодования, с поднятой головой она бодро шла мимо всех прямо не к последнему месту, на которое садилась, ну право, как бы королева на трон".

Конечно, при таких пикантных обстоятельствах не все желали появляться не приемах у Собаньской. Прежде всего это относится к родным Лолины, осуждавшим ее. Некоторые из них настаивали на том, чтобы семья отреклась от нее до тех пор, пока она не станет венчанной женой генерала.

Семейный раздор усугублялся еще тем, что как раз в это время, окончательно порвав с Иеронимом

Собаньским, Каролина затеяла с ним борьбу за свою одиннадцатилетнюю дочь.

Лишь смерть старого Адама Ржевуского в 1825 году на короткий миг примирила родственников. Братья и сестры съехались в Погребнице. Отзвуки беспокойства за свою непутевую сестру слышатся в письме, написанном в ту пору Эвелиной Ганской. "Ее судьба чрезвычайно заботит меня, — писала она. — Вот страшный пример того, к чему приводит пренебрежение правилами хорошего тона! В раздоре с миром и сама с собой, она живет в горечи и печали; минуют годы, и она не сможет больше обольщать своим шармом, красотой..." (Заметим, что через несколько лет сама Эвелина вступит на тот же путь адюльтера, но в отличие от "непутевой сестры" будет вести себя куда более осторожно и не так вызывающе).

Вопреки ссотованиям сестры, Лолина отнюдь не чувствовала себя несчастной, тем более не думала отчаиваться, напротив, наслаждалась властью и поклонением. День начинался и заканчивался посещением ее дома почитателями и гостями. "Из воснных поселений приезжали к ней на поклонение жены генералов и полковников, мужья же их были перед ней на коленях". Еще бы, как никак начальник поселенных войск проводил в этом доме дни и ночи. "Вообще из мужского общества собирала она у себя все отборное". Всякий раз, бывая у Собаньской, Мицкевич заставлял там чуть ли не всю мужскую часть польской колонии города. Граф А. Потоцкий, граф Г. Олизар,

наезжавший в Одессу, князь А. Яблоновский – всех не перечесть – были завсегдатаями ее салона.

Поэту часто приходилось досадовать на то, что бесконечные визитеры, подолгу засиживавшиеся в гостях у Собаньской, мешали их интимным встречам. Для него было истинной мукой часами выжидать, когда, наконец, прервется нескончаемый поток поклонников и он окажется наедине с Джованной, как он называл ее в стихах. С досадой поэт признавался:

Едва я к ней войду, подсяду к ней – звонок!
Стучится в дверь лакей, – неужто визитеры?
Да, это гость, и вот – поклоны, разговоры...
Ушел, но черт несет другого на порог!..

Что можно сказать об отношениях Мицкевича и Собаньской?

Польские исследователи в один голос заявляют, что поэт был страстно влюблен в Каролину. Точные данные на этот счет, однако, отсутствуют. Но есть прекрасные стихи, большей частью написанные в Одессе и поныне очаровывающие свежестью чувства. Они – лучшее свидетельство. В них и восторг любви, и пылкие признания, и радость встреч, и наслаждение, и благодарность за то, что она "счастьем снизошла в печальный мир певца". И этот час счастья

В серой мгле моей жизни, в сплетенье событий
Он блеснул золотою единственной нитью.

Попробуем рассмотреть эти отношения с другой стороны. Какие чувства испытывала Каролина к молодому человеку, который был на пять лет моложе ее? Ей, конечно, льстило, что модный поэт, желанный гость в одесских гостиных, пленился ею и сходит с ума. Почему бы, в самом деле, не позволить этому симпатичному и пылкому Алкею ухаживать за ней. Тем более, что он так настойчив и так наивно неопытен. Говорят, зато он очень талантлив и его ждет в будущем слава олимпийца. В таком случае не мешает, чтобы он воспел ее в стихах. Ее женское тщеславие жаждало поэтического восхваления, она мечтала быть прославленной, как когда-то Лаура Петраркой. Каролина ждала хвалебных гимнов, лелея надежду предстать в роли сладкоголосой Эрато — музы любовной поэзии, вдохновительницы поэтов.

Никто, кажется, не прославил еще ее красоту. Впрочем, нет. Был такой случай. Провинциальный стихоплет Якса-Марцинковский сотворил целую поэму "Корсет", ей посвященную. Тогда она жила еще в Погребнице, а рядом, по-соседству, служил сочинитель. В основу поэмы лег смешной эпизод, случившийся с Лолиной. Однажды, когда юную пани впервые затянули в корсет, она потеряла сознание.

Молодой герой решает выкрасть корсет и уничтожить его. Он проникает в гардеробную, но тут ему является призрак рода Ржевуских...

Нет, не такого прославления ожидала Каролина. Кому, как не Мицкевичу, восходящей звезде на Пар-

наше польской поэзии, воспеть ее в стихах и своей рукой вписать мадригал в ее альбом из зеленого сафьяна.

Была ли Каролина искренна в своих чувствах? Здесь мы оказываемся в сфере догадок и предположений. Но несомненно одно – опасная как в политике, так и в любви, Каролина Собаньская заставляла поэта ревновать, то и дело давая повод упрекать ее в притворстве и неверности. "Как от твоих измен мне было больно!" – жаловался поэт. Но тут же готов был прощать:

И пусть твои глаза лгать будут, лицемерить,
Я буду в них добро читать и лжи их верить.

Так длилось до тех пор, пока он окончательно не убедился, что она "в жажде мадригала и сердцем любящим, и совестью играла". Тогда он дает клятву, что стих его отныне будет каменеть при ее имени. Кончился тяжелый сон, настало пробуждение.

Остается выяснить один щекотливый вопрос. Догадывался ли Мицкевич о подлинной роли своей возлюбленной? Знал ли о том, что Каролина Собаньская не первый год работала на Витта, с того самого момента, когда в 1819 году стала любовницей генерала? И что тот был вполне доволен ею: она оказалась великолепной помощницей, первоклассным агентом.

Судя по всему, Мицкевич пребывал в полном неведении о том, какую роль играла Каролина при ге-

нерале. Даже оказавшись на яхте в окружении двух шпионов и догадавшись об их миссии, поэт отвел от нее свои подозрения.

Впрочем, некоторые польские исследователи считают, что Мицкевич полностью разгадал двойную сущность Каролины Собаньской. Если бы это было так, возражают им оппоненты, поэт наверняка не промолчал бы об этом в более поздние годы в эмиграции, когда ему нечего было опасаться. Говорил же он о подлой роли Витта и Бошняка. Эти высказывания относятся к лету 1842 года, когда Мицкевич читал в Париже курс лекций о славянских литературах. 7 июня с кафедры прозвучали его слова, едва ли не впервые публично разоблачающие Витта и Бошняка как тайных царских агентов, осуществлявших на юге слежку за членами польского Патриотического общества и будущими декабристами. Правда, обоих их уже не было тогда в живых. Витт умер года за два до этого. Что касается Бошняка, то его настигло возмездие — в 1831 году он был убит польскими патриотами в отместку за свою гнусную деятельность.

Свидетельство Мицкевича показывает, что ему было известно о подлой роли Витта, возглавлявшего "в ту пору полицейские власти в южных губерниях". От одного из своих агентов, заявлял далее Мицкевич, Витт получал сведения о существовании заговора. Фамилия этого подручного не упоминается ни в одном официальном документе. Кто же это был? Мицкевич называет Бошняка — "предателя, шпиона,

более ловкого, нежели все известные герои этого рода в романах Купера”.

Этот Бошняк, продолжал Мицкевич, всюду сопровождал своего хозяина графа Витта под видом натуралиста, сумел втереться в разные тайные общества и собрал секретные сведения о заговоре декабристов.

Что касается Собаньской, то тут Мицкевич абсолютно ничего не подозревал. И хотя о деятельности Витта догадывался, но был далек от того, чтобы связывать в одно его личные отношения с Собаньской и дела службы.

Точно также и Пушкин на протяжении почти десяти лет, в течение которых общался с Собаньской, ни разу ничего не заподозрил. Нигде ни намеком не обмолвился он насчет нее критически, хотя у него есть упоминания о ней, если говорить о письмах и стихах, ей посвященных. Не случайно, надо думать, возник “Собаньский, шляхтич вольный” в “Борисе Годунове”, а в набросках предисловия к этой трагедии, где польская тема одна из ведущих, русский поэт вспоминает “о кузине г-жи Любомирской”, то есть о Каролине (как известно, слово “кузина” по-французски может означать не только двоюродную сестру, но и вообще родню, близкую родственницу).

Мицкевич все последующие годы относился к Каролине Собаньской хотя и сдержанно, но вполне уважительно, не однажды встречался с ней и в Риме, и в Париже.

Но может быть, у Мицкевича вообще не было причин подозревать Собаньскую? И тогда в Одессе Каролина отказалась от своей двойственной роли в отношениях с ним? Вопреки заданию шефа она лишь делала вид, что наблюдает за поэтом. В отчетах же выставляла его в благоприятном свете, как бы оберегая от опасного генерала.

Если допустить эту метаморфозу, то как ее объяснить? Неужели мы встречаемся здесь со старым, как мир, противоречием: борьбой между долгом и чувством? В таком случае можно предположить, что благосклонно настроенная к поэту Каролина сумела убедить генерала в том, что поведение Мицкевича вполне безупречно. И перед отъездом того в Москву на службу под влиянием своей страсти Витт написал в своем рапорте благожелательный отзыв о Мицкевиче.

Что ж, шпионы и соглядатаи тоже порой не чужды симпатий и антипатий, но эти извинительные человеческие слабости несколько не мешают им заниматься своим гнусным ремеслом.

И все же не может быть, чтобы "рожденная без сердца" Каролина из Ржевуских уступила бы чувству, поддавалась увлечению. Сожительница и помощница Витта легко переступала через свои личные привязанности и когда было надо, не задумываясь, предавала друзей и знакомых. Ее рука не дрогнула, и она спокойно написала донос на своего молодого любовника Антония Яблоновского, когда в начале 1825 го-

да выведала у него важные сведения об имевших место переговорах между польскими и русскими конспираторами.

И таких, как Яблоновский, на ее счету, можно думать, было немало. Так что ни о какой загадочной снисходительности Собаньской к Мицкевичу речи идти не должно. Можно лишь говорить об умении и ловкости Каролины, не брезговавшей никакими средствами в своей агентурной работе.

ПО СЦЕНАРИЮ ВИТТА

С тех пор как Витту стало известно, что у него под носом плетут нити заговора и зреет измена, всю свою энергию генерал-шпион направил на то, чтобы выявить и уничтожить крамолу. Он замыслил крупную провокацию. Этого жаждало его сердце, здесь могло развернуться его стремление к сенсации и влечение к драматическим эффектам.

Осенью 1825 года намечалась поездка царя на юг в Таганрог. Витт рассчитывал быть вызванным для доклада лично Александру I, у которого пользовался "абсолютным доверием". Чем этот хитрец пленил царя, точно сказать трудно, но факт остается фактом – император был к нему весьма расположен. Даже крупные финансовые злоупотребления, гро-

жившие серьезными неприятностями, сошли ему с рук.

Одним словом, царь удостаивал его своим доверием и возлагал обязанности, признавался сам Витт, особенной важности, "большей частью никому, кроме его величества и меня, не известные". Раз два в год Витт встречался с царем, докладывал ему лично "о нужном", "принимал словесные государя приказания" и разного рода "изустные поручения".

Что это были за приказания и поручения? На это Витт туманно отвечал, что они касались "разнообразных предметов". Ответ, как видим, весьма неопределенный. Дело, вероятно, требовало соблюдения абсолютной секретности. Впрочем, об одном таком задании известно: царь вменил Витту наблюдать за самым новороссийским генерал-губернатором М. С. Воронцовым, поскольку тот-де был "склонен к либерализму".

В этот раз при встрече с царем Витт рассчитывал преподнести ему дорогой подарок: выложить на стол сведения о существующем антиправительственном заговоре и сообщить свой план его ликвидации и захвата участников "с бумагами и архивом". Лучше всего, мыслил он, сделать это во время киевских "контрактов", когда по обычаю на ярмарку съезжалась масса народа. Здесь же встречались и конспираторы.

Точнее план задуманной провокации выглядел так: в январе будущего года во время контракто-

вой ярмарки Витт намеревался взять с поличным всех участников подпольного съезда руководителей Южного общества.

Оставалось довыяснить некоторые детали, чтобы представить масштабы замысла и размах деятельности смутьянов. Это позволило бы составить полную картину заговора со всеми его разветвлениями.

Все зависело от ловкости и умения виттовских агентов. Одному из них Витт поручил выдать себя за единомышленника заговорщиков и войти к ним в доверие. Этим агентом был Бошняк.

С этого момента скромный херсонский помещик становится главной фигурой на шахматной доске интриги, затеянной Виттом. Это и имел в виду он сам, когда говорил об "обширнейшем поприще", на котором очутился благодаря графу Витту, ставшему отныне его благодетелем и покровителем.

Понимал ли Бошняк, на какой путь предлагает ему вступить генерал Витт? Отдавал ли себе в этом отчет?

Судя по собственному его признанию, он согласился вполне добровольно и сознательно, взвесив свои способности и "польстившись успехом". Немного, правда, беспокоила мысль, не будет ли память о нем очернена презренным именем шпиона. Но он быстро убедил себя, что бывают случаи, когда приходится жертвовать доброй славой. И он пожертвовал ею, оказавшись в одном ряду с Азефом, Малиновским и другими пресловутыми провокаторами, из-

вестными в истории революционного движения России. Перед свежее испеченным шпионом Витт поставил задачу проникнуть в "скопище врагов правительства". О том, что существует некое тайное общество, Витт догадывался давно. Как сообщал он царю, его агенты "по счастливой случайности" попали на след "важного и серьезного дела", могущего иметь самые печальные последствия". Однако точными данными Витт не располагал, а все попытки войти в круг заговорщиков ни к чему не приводили. Между тем царь, видимо, поручил ему добыть подробные сведения. Как раз в это время Витт встретил Бошняка и завербовал его.

Опытный ловец душ, неплохо разбиравшийся в людях, Витт сразу понял, что Бошняк способен рассеять мрак, которым окружают себя "злодеи".

В апреле 1825 года началась активная деятельность Бошняка на поприще тайного сыска как агента и провокатора.

Среди знакомых Бошняка находился В. Н. Лихарев, — офицер, член тайного Южного общества, не очень заботившийся о том, чтобы скрывать свои взгляды. С того момента, как Бошняк вышел на Лихарева, "операция" обрела реальность. Приняв "личину отчаянного и зверского бунтовщика", Бошняк довольно скоро втерся в доверие к Лихареву и тот открылся перед ним.

Позже, на следствии, Лихарев показал, что Бошняк — "человек суровой наружности и в речах весь

ма осторожный" — со слезами открыл ему, что хотел бы "быть участником людей, которые думают и желают свободы". Поверив в его искренность, Лихарев рассказал о своей связи с В. Л. Давыдовым, одним из руководителей Южного тайного общества.

Тогда, войдя в роль, Бошняк от имени графа Витта предложил, если потребуется, содействие подчиненных тому войск. При этом он поступал по прямому указанию Витта — при случае предложить в члены общества самого начальника военных поселений.

Само собой, что агент тут же обо всем информировал своего шефа.

Успех превзошел все ожидания. Достоверно стало известно, что общество заговорщиков существует, притом немалое по размерам. Узнали о его целях, организации, о нескольких причастных к нему лицах.

Судя по "Записке А. К. Бошняка", представленной им позже следственной комиссии по делу декабристов, видно, насколько удалась его подлая миссия. Не только о структуре тайного общества, но и о некоторых его руководителях знал теперь Витт. Его подручный сообщил, что "душой их скопища" является полковник П. И. Пестель, занимающийся сочинением конституции, причастен к заговору В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, некто Рылеев, Муравьев, Бестужев, полные имена которых пока еще не были известны (речь шла о С. И. Муравьеве-Апостоле и М. П. Бестужеве-Рюмине).

Это было равносильно провалу.

В первой половине мая в Одессе Витт и Бошняк основательно проанализировали ситуацию и наметили способы "дальнейших действий в столь важных, сколь и необыкновенных, обстоятельствах".

Однако Витт не спешил. Было бы весьма эффективно, мыслил он, представить царю полный список членов организации. Но понимал, что это невозможно, так как интерес к именам второстепенным мог возбудить подозрение. Впрочем, "открытие главных злоумышленников влечет за собою открытие и прочих". Посему надлежит выявить главных заговорщиков, узнать, когда и в какое время назначены открытые действия. Неплохо также разузнать, велика ли сумма, хранящаяся в кассе бунтовщиков и в чьих руках она находится.

Бошняк получает приказ действовать решительно, но осторожно, чтобы не спугнуть дичь и до конца разоблачить "злодейскую шайку".

Тем временем заговорщики спохватились. Бошняку категорически запретили сообщать Витту о существовании заговора, поскольку были получены сведения, что тот является "агентом правительства". (Об этом по секрету предупредил будущего декабриста С. Г. Волконского начальник штаба 2-й армии П. Д. Киселев с целью отговорить его от участия в заговоре, обреченном на неудачу, раз о нем знает царь).

Больше того, сам Бошняк начал вызывать силь-

ные подозрения, не шпион ли он, не агент ли провокатор?

На всякий случай приняли решение объявить Бошняку, что общество распущено, а Лихареву (в чем он сам и признался Бошняку), "за излишнюю опрометчивость при открытии тайны приверженцу графа Витта" сделано порицание и воспрещались всякие действия.

Тем не менее Бошняку удалось вернуть доверие, для чего ему пришлось, как он цинично заявлял, прибегнуть "к якобинским беснованиям". Вновь почувствовав себя уверенно, он продолжал убеждать, что граф Витт может быть полезным и преданным членом тайного общества, что он даже "готов подвинуть весь свой корпус на помощь возмутителей". При этом добавлял, что ручается за него, ибо "судьба графа связана с его судьбою, и что связь из такого рода, что разорваться не может". Больше того, за погибелью одного, заявлял он, последует погибель другого.

Известно, что полуправда чаще опаснее откровенной лжи, ибо реже вызывает недоверие. Именно по этому рецепту действовал Бошняк. То, что он говорил, было, собственно, даже не полуправдой, а самой правдой, перевернутой и представленной в ином смысле. Он действительно был прочно связан с Виттом, впоследствии не один год неизменно находился при графе, служил ему до самой своей смерти.

Предполагаемая встреча Витта с царем, если бы об этом стало известно, несомненно насторожила бы заговорщиков. Он это понимал и поначалу хотел отправиться в Петербург якобы в отпуск. Когда же Витт узнал, что Александр I намерен посетить Таганрог, он попросил разрешения представиться царю в этом городе, расположенном в губернии, где находились военные поселения. Таким образом, встреча носила бы чисто служебный характер: вроде неожиданно вызвали для отчета. Чтобы это выглядело еще более правдоподобно и нельзя было ничего заподозрить, Витт придумал поездку на яхте. Мол, он не рассчитывал ни на какую встречу, не готовился к ней, а беспечно развлекался, путешествуя по Крыму, и был вызван к царю как бы случайно.

Иначе говоря, заговорщики не должны были догадаться, что свидание Витта с царем планировалось заранее и по его просьбе. Между тем Витт действительно просил о встрече, уверяя в письме к царю, что дело идет не о поселениях, то есть делах служебных, и того менее о личных интересах, а о спокойствии государя и его безопасности.

Надо сразу же сказать, что Витт в конце поездки в Крым был вызван по высочайшему повелению в Таганрог, где увиделся с царем 18 октября и доложил о сделанных им открытиях. Витт представил также полученное им якобы анонимное письмо, помеченное третьим августа. Скорее всего оно было сфабриковано Бошняком по указанию Витта, либо, что

менее вероятно, кем-нибудь из других его агентов. Но кто бы ни писал этот документ, его содержание не могло остаться без внимания. Выставляя Витта верным слугой царя и отечества, зорким стражем своего владыки, автор письма рисовал далее "страшную картину заговора". Опасность близка; она ужасающе хорошо обдумана, предупреждал анонимный осведомитель, сообщая, что ему удалось проникнуть "во все недоступные изгибы" этого "черного заговора", задуманного "с поразительной предусмотрительностью".

Как реагировали на все это царь и его окружение? Из донесения начальника Главного штаба барона И. И. Дибича известно, что план Витта получил одобрение. Пока же ему приказали "продолжать открытия свои" и, если возможно, "усиливать оные".

Вернемся, однако, несколько назад, к тому моменту, когда Витт всячески пытался лично вступить в сношения с членами Южного общества.

Убедившись в том, что они колеблются и все еще не доверяют ему, мастер интриги решил действовать по-иному. От его имени Бошняк предупредил, что графу наскучила их недоверчивость и он полагает "предоставить их собственной судьбе". Такой оборот встревожил В. Л. Давыдова и его товарищей. На это, собственно, и рассчитывал хитрый Витт.

После сего "демарша" Бошняку, продолжавшему игру, нетрудно было уговорить Лихарева и Давыдова увидеться с Виттом на "контрактах" в Киеве в

начале будущего года. Удостоверившись в верности графа Витта, убеждал Бошняк, они смогут обсудить "нужные меры в сообществе с главными начальниками заговора". Витт был близок к цели.

В этот момент и состоялось плавание на яхте — своего рода отвлекающий маневр Витта. Впрочем, генерал преследовал и вполне конкретные цели. Может быть удастся разузнать о связях заговорщиков в военных поселениях, добыть данные о других ответвлениях заговора и иные сведения. Из-за "недовольной еще основательности оных" многое оставалось неясным в схеме заговора.

Витт имел данные, что между русскими и польскими революционерами существуют тайные сношения. Нашупать нити, которые связывали их, было одной из его задач. Нюх подсказывал ему, что Мицкевич вполне может быть связан с польскими смутьянами. Если так, то через него, возможно, удастся получить недостающую информацию.

Именно во время совместного путешествия и можно попытаться сделать это. Витт полагался в этом на Собаньскую.

Кажется, поэт равнодушен к Лолине. Тем лучше. С ее ловкостью ей нетрудно будет дознаться.

Выходит, Мицкевич не ошибся, когда осторожность подсказала ему, что неспроста он приглашен принять участие в крымском путешествии. Он не мог знать всех обстоятельств, однако догадки его шли в правильном направлении. Он глубоко заблуждался

только в той роли, которая была предназначена Каролине Собаньской и которую она с успехом играла.

В противоположность Бошняку, ей надлежало действовать как бы с другой стороны. Получилось, что каждый из них двоих — Бошняк и Собаньская — имели свои сферы, где вели агентурную работу. Он — среди русских, членов тайного общества; она — главным образом по выявлению замешанных в заговоре соотечественников.

Но если о Бошняке существуют материалы и сохранились документы, разоблачающие его провокаторскую деятельность, то об агентурной работе Собаньской данных пока еще не достаточно. Зато есть собственное ее признание, о чем речь впереди.

События тем временем развивались по задуманному Виттом сценарию. Начальника военных поселений вызвали для встречи с царем в Таганроге.

И вполне вероятно, не умри в тот год Александр I, не случись 14 декабря, коварный план Витта был бы осуществлен, задуманная им провокация была бы проведена в намеченный срок.

Но и без этого усердие Витта и его подручного Бошняка новый царь Николай I оценил по заслугам. Каждый из них заработал свои тридцать сребреников. Генерал-шпион — алмазные знаки ордена Александра Невского и полное доверие. Его агент — чин коллежского советника, на шею орден Святой Анны второй степени с алмазами, а в карман три тысячи рублей наградных. К тому же ему положили пять

тысяч ежегодного жалованья. Он по-прежнему подчинялся Витту и отныне считался одним из опытейших агентов.

Не случайно тогда же, летом 1826 года, Витт (надо думать по согласованию с фон Фоком) направил его в Псковскую губернию "для исследования поведения известного стихотворца Пушкина...", находившегося в Михайловской ссылке. Ему был даже выдан своего рода "леттр де каше" — незаполненный ордер на арест, который он мог предъявить, если того потребовали обстоятельства.

Спустя два года около Пушкина возникнет другой виттовский агент. На этот раз им окажется Каролина Собаньская.

ХОРОВОД ОСВЕДОМИТЕЛЕЙ

Красоты полуденной Тавриды сменились в Одессе осенними дождями. Наступила унылая пора.

По-прежнему Мицкевич виделся с Каролиной. Однако теперь встречался с ней чаще всего лишь в свете, на вечерах и в театре, за столом у И. С. Ризница на Херсонской улице, где будущий зять Каролины устраивал пышные обеды, чтобы угодить ей, и где она уже тогда распоряжалась, словно у себя в гостиной. Точно так же она вела себя и в доме Витта во время приемов.

После путешествия в Крым чувство самосохранения инстинктивно удерживало Мицкевича на расстоянии от "одесской Клеопатры", помогая освободиться от гнетущих ее чар.

Перед тем, как покинуть Одессу и отправиться к новому месту службы в Москву, поэт пишет "Размышления в день отъезда". Он говорит о горестях, перенесенных в чужом городе, где, "лживый свет познав", он жил одиноким, опальным странником, теперь уезжающим без напутствий счастья. Как бы ободряя себя, он восклицает:

Летим же — ведь крылья целы для полета!

Летим, не снижаясь, — все к новым высотам!

Словно по ветру, почтовые несли его на север. Через месяц, за два дня до 14 декабря, он прибыл в первопрестольную, где ему надлежало служить в канцелярии генерал-губернатора.

Вскоре по городу поползли слухи, что по ночам идут аресты, хватают и вывозят в Петербург причастных к тем, кто вышел в декабре на Сенатскую площадь. Пришло известие, что взяты многие его русские друзья. Со дня на день мог ждать ареста и он сам. Неожиданно пахнуло ледяным сибирским холодом. "Что-то творится в Одессе? — беспокоился Мицкевич. — За кем из наших захлопнулась дверь каземата? Кто пал жертвой Витта и его агентов?"

Как потом стало известно, одним из первых поляков, принадлежавших к тайному обществу, был

арестован Антоний Яблоновский. За ним следили и взяли прежде других. Впрочем, его судьбу решили еще зимой два слова Собаньской. На вопрос Витта об источнике добытой ею информации она небрежно бросила: "Князь Антоний проболтался". Беспечность и легковёрность теперь дорого ему обошлись. Спустя годы Витт признал, что получил сведения "благодаря разоблачениям одной женщины", читай, Собаньской.

После ареста Яблоновского клубок начал быстро разматываться. Взяли многих из поляков. Задача властей облегчалась тем, что в их руках находился список польских конспираторов, с которым в свое время неосторожно обошелся Яблоновский, да и его собственное поведение на следствии не отличалось сдержанностью.

В феврале Мицкевич начал ходить в присутствие. На душе было тяжело.

В тот год осенью состоялось знакомство польского поэта с Александром Пушкиным, недавно возвратившимся из михайловской ссылки.

Оба поэта, случайно уцелевшие при арестах, чувствовали себя словно виноватыми перед теми, кто томился в крепости и кого ждала каторга. А ведь совсем еще недавно, когда по ночам заседала Следственная комиссия по делу декабристов и все с тревогой ожидали приговора, многие надеялись на царскую милость. Полагали, что "каторги вовсе никому не будет".

Теперь стало ясно, сколь наивно было ожидать пощады. Милосердия у нового российского правительства хватило лишь на то, что бы заменить четвертование виселицей. 13 июля были повешены Рылеев и четверо его товарищей. Остальных царский Верховный уголовный суд приговорил к каторге и ссылке.

В те дни А. А. Воейкова, племянница В. А. Жуковского, с горечью отмечала, что никого знакомых не осталось, кого бы несчастье или смерть не посетили. "Страшно оглядываться вокруг себя", — писала она. Со страхом оглядывался вокруг себя и коронованный палач. Но его боязнь была иного рода.

Чем глубже в ходе следствия над декабристами царь проникал в суть заговора, тем больше охватывали его страх за будущее, боязнь новых выступлений "недовольных". Он понимал, что только чудо спасло в тот декабрьский день русское самодержавие. Имелось основание быть недовольным действиями тайного сыска. Особенно секретной военной полицией. Можно сказать, у себя под носом прозевали целую армию тираноборцев! Но и фон Фок оплошал. Как ни умен он и опытен, как ни старались его агенты, но и они проморгали бунт, чуть было не сокрушивший трон.

Нужно навсегда устранить возможность подобного мятежа. Для этого необходимо, как предлагает Бенкендорф, централизовать усилия тайной полиции, поставить во главе ее людей "образованных, обладающих к тому же светским лоском".

Летом 1826 года был издан указ об учреждении жандармской полиции. Известие сие как подарок приурочили ко дню рождения царя, 25 июня. Новая полиция была то же, что и древняя тайная канцелярия, лишь "припомаженная, завитая и вычищенная", как скажет историк М. Лемке. Фактически руководителем сыска остался все тот же фон Фок. В его руках по-прежнему находилась секретная полиция и тайная агентура.

Вместе с руководителем, как бы по наследству, в число "клиентов" новой полиции перешли и старые подопечные фон Фока — все политические неблагонадежные. В их числе оказался и Мицкевич, но прежде всего Пушкин.

Русский поэт попал в списки лиц, официально находившихся под секретным надзором. "Образованный" Бенкендорф и "обладающий светским лоском" фон Фок постарались усугубить наблюдение за ним.

В агентурных сведениях за это время то и дело упоминается имя Пушкина.

Жандармский полковник И. П. Бибиков в начале ноября доносит, что его агенты следят за "сочинителем Пушкиным, насколько это возможно", он же сообщает, какие дома наиболее часто поэт посещает.

О том же, где бывает поэт и как его принимают, докладывает на основе агентурных данных три месяца спустя сам генерал А. А. Волков, начальник 2 Округа корпуса жандармов. По его наблюдениям

Пушкин "не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой". Он с явным осуждением передает чуть ли не как крамольным подслушанный разговор. На заявление поэта о том, что он желает вступить в службу, несколько дам вскричали сразу: "Зачем служить! Обогащайте нашу литературу вашими высокими произведениями, и разве, к тому же, вы уже не служите девяти сестрам?" (Автор этих слов имела в виду служение музам, которых, как известно, было девять).

Стоило поэту объявиться в Петербурге, как и здесь вокруг завертелся хоровод осведомителей.

По заданию фон Фока агент И. Локателли буквально ходит за ним по пятам, наблюдает и докладывает о каждом его шаге. Возле поэта увивается пресловутый Ф. В. Булгарин и вездесущий А. Л. Элькан. Агент Е. А. Хотяинцева доносит, что Пушкин в числе других гостей посетил знаменитую, воспетую им "принцессу ноктюрн" — Е. И. Голицыну, проводившую ночи из суеверия в бодрствовании (ей предсказали ночную смерть). Поэт появился на именинах у Н. И. Греча в числе прочих 62 гостей, у известного игрока графа А. П. Завадовского — об этом тотчас извещен глава сыска. В свою очередь фон Фок докладывает, что Пушкин посещает графа, которому тайная полиция имеет "основания не доверять". Заодно фон Фок сообщает начальству (то есть Бенкендорфу, а тот и самому Николаю), где живет поэт и кто у него бывает.

Так изо дня в день поступают сведения, полученные агентурным путем. Даже самые невинные действия поэта принимаются во внимание: Пушкин с приятелем Соболевским ходит по трактирам; на собраниях литераторов читают стихи Пушкина; поэт ведет себя положительно в политическом отношении.

Словом, после декабрьского восстания на протяжении многих месяцев и лет за поэтом неустанно следило "недреманное око" сыскной полиции.

В это время в столице возникает Каролина Собаньская.

Однажды она пригласила к себе на чай обоих поэтов — Мицкевича и Пушкина. В тот вечер русский поэт был явно равнодушен к хозяйке, женщине действительно очаровательной. А Мицкевич? Как вел себя он, какие чувства испытывал?

Он давно изжил в себе роковую страсть к Джованне. Теперь он пел песни иным кумирам.

Что касается Пушкина, то встреча с Собаньской всколыхнула в нем былое.

Мысленно перенесемся в Киев и Одессу начала двадцатых годов прошлого столетия.

В СЕТЯХ ГИМЕРОТА

В губернаторском доме на Левашовской улице в Киеве протекала обычная светская жизнь. По вечерам, особенно в дни праздников, здесь собирался весь город. В толпе гостей оказался однажды и Алек-

сандр Пушкин. Было это в мае 1820 года. По пути на юг к месту ссылки он проездом ненадолго задержался в Киеве. Вновь попадет он сюда в начале следующего года и проживет тут несколько недель.

Дом Раевских, где остановился поэт, сообщался с губернаторским домом общим садом. Естественно, соседи часто виделись, а Пушкин "проводил свою жизнь" в семье губернатора Ивана Яковлевича Бухарина и его супруги Елизаветы Федоровны. Но что привлекало сюда поэта? Радужные хозяева, веселые балов, умное общество блестящих офицеров? Однако влекло сюда поэта и другое.

В пестром хороводе местных красавиц он сразу же выделил двух элегантных, прелестных полек, дочерей графа Ржевуского. Обе были замужние, что не мешало им, кокетничая, оболащивать многочисленных поклонников.

Младшей, Эвелине, исполнилось семнадцать и была она, по словам знавших ее тогда, красивой, как ангел. Старшая, Каролина, отличалась не меньшей красотой, но это была красота сладострастной Пасифаи, она была на шесть лет старше Пушкина.

Величавая, словно римская матрона, с волшебным огненным взором валькирии и соблазнительными формами Венеры она произвела на поэта неотразимое впечатление. И осталась в памяти женщиной упоительной красоты, обещающей блаженство тому, кого пожелает осчастливить. Пушкин мечтал попасть в число ее избранников.

Но там, в Киеве, она вспыхнула кометой на его горизонте и исчезла. Однако не навсегда. Вновь Каролина взойшла на его небосклоне, когда поэт неожиданно встретил ее в Одессе.

Пушкин увидел ее на рауте у генерал-губернатора, куда скрепя сердце Собаньскую иногда приглашали из-за Витта. Он сразу заметил ее пунцовую без полей току с страусовыми перьями, которая так шла к ее высокому росту.

Радость встречи с Каролиной омрачил Ганский — муж Эвелины. Заметив, с каким нескрываемым обожанием поэт смотрит на Собаньскую, как боязливо робеет перед ней, он счел долгом предупредить юного друга насчет свояченицы. Разумеется, он имел в виду ее коварный нрав, жестокое, холодное кокетство и бесчувственность к тем, кто ей поклонялся, — ничего более.

Пушкин не очень был расположен прислушиваться к советам такого рода, тем более, что ему казалось, будто он влюблен.

Однако и сам видел, что в присутствии Каролины делается каким-то удрученным, слова не идут с обычной резвостью на ум. Где его непринужденность, остроумие, веселый смех? Почему он так скован, так неловок? Досадуя на себя, он хочет преодолеть не свойственную ему робость, пытается ухаживать смелее. Она встречает его попытки насмешкой. И снова он убит. Это какой-то рок, а она — сама демонница, злой дух, его околдовавший.

Он ищет с Каролиной встреч, стремится бывать там, где может оказаться и она, ждет случая уединиться с ней во время морской прогулки, в театральной ложе, на балу. Иногда ему кажется, что он смеет рассчитывать на взаимность (кокетничая, Каролина давала повод к надежде). Ему даже показалось однажды, что он отмечен ее выбором. В день крещения сына графа Воронцова 11 ноября 1823 года в Кафедральном Преображенском Соборе она опустила пальцы в купель, а затем, в шутку, коснулась ими его лба, словно обращая в свою веру.

Воистину он готов был сменить веру, если бы это помогло завоевать сердце обольстительной польки. В другой раз он почти уверовал в свою близкую победу во время чтения романа, когда они вдвоем упивались "Адольфом". Она уже тогда казалась ему Элеонорой, походившей на героиню Бенжамена Констан не только пленительной красотой, но и своей бурной жизнью, исполненной порывов и страсти.

Через несколько лет он признается ей, что испытал всю ее власть над собой, более того, обременен тем, что "познал все содрогания и муки любви". Да и по сей день испытывает перед ней боязнь, которую не может преодолеть.

Не сумев растопить ее холодность, так ничего тогда в Одессе и не добившись, он отступил, смирившись с неуспехом и неутоленным чувством.

... И вот Пушкин вновь встретился с Каролиной Собаньской.

Старая болезнь острым рецидивом пронзила сердце. Ему показалось, что все время с того дня, как впервые увидел ее, он был верен былому чувству. Лихорадочно набрасывает он одно за другим два послания к ней. Но так и не решается их отправить. Поэт доверил сокровенное листу бумаги ("мне легче писать вам, чем говорить"). Перед нами в них предстает Пушкин, поклоняющийся Гимероту – богу страстной любви, сгорающий от охватившего его чувства.

В свой петербургский салон (где, кстати сказать, бывал фон Фок) Каролина привлекала таких поклонников, как Пушкин и Мицкевич, отнюдь не из-за честолюбия, а преследуя совсем иные цели – политического сыска. Как и в Одессе, ее столичный салон был своего рода полицейской западней, ловушкой. Потому и вела игру с Пушкиным, как когда-то с Яблоновским и Мицкевичем, распаляя его нетерпение и тем самым удерживая подле себя, чтобы облегчить задачу наблюдения за ним.

"Трудно предположить, – пишет А. А. Ахматова в своем исследовании о Пушкине, – что существо, занимавшееся предательством друзей и доносами в середине 20-х годов и в начале 30-х, именно в зиму 1829–1830 было далеко от этой деятельности". И далее: "Если она находилась в связи с Третьим отделением, невероятно, чтобы у нее не было каких-либо заданий, касавшихся Пушкина".

Как видим, Ахматова не сомневалась в том, что Каролина Собаньская была подослана к поэту. Не-

даром Собаньская никогда на протяжении всей своей долгой жизни не вспоминала о Пушкине. Возможно, у нее хранились и его письма, но и здесь она позаботилась, чтобы они не дошли до нас.

Чего опасалась Собаньская?

Страх разоблачения преследовал ее. И все же нашелся человек, который приподнял завесу над неприглядной, позорной стороной ее жизни. В своих записках Ф. Ф. Вигель заявил, что Собаньская была у Витта вроде секретаря и писала за него тайные доносы, а "потом из барышней поступила она в число жандармских агентов". Это свидетельство мемуариста. И как признает он сам, преступления, совершенные ею, так и не были доказаны.

Нельзя ли подтвердить эти обвинения каким-либо документом, свидетельствующим против Собаньской?

ПОД МАСКОЙ ПАТРИОТКИ

После женитьбы Пушкина фон Фок, прекрасно понимавший огромное значение поэта для общественного мнения, несколько успокоился. Можно было надеяться, что опасный и строптивый сочинитель, наконец, остепенится не только в личной жизни, но и в своем творчестве станет поговорчивее.

Надобность в услугах Собаньской отпала. Она вернулась в распоряжение Витта, а Пушкину лице-

мерный Бенкендорф заявил: никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за ним надзор.

Когда до Каролины дошли слухи о том, что Пушкин обвенчался, злая усмешка скривила ей губы. С досадой подумалось, что лишь у нее ничего не меняется. Надежды на то, что Витт, наконец, овдовеет, мало. Хотя и больная, его жена Юзефина может протянуть еще не один год.

Остается прежний путь. Поздно сворачивать с наезженной колени. Придется тащиться пристяжной в упряжке Витта.

Для него главное — слава отечества и государя. Значит и ей надо быть полезной им. Так рассуждает она и тем усерднее выполняет свои обязанности...

Одно из ее донесений Бенкендорфу, посланное из Одессы, перехватывают повстанцы Подолии. (В ноябре 1830 года началось восстание в Королевстве Польском, охватившее также некоторые другие прилегающие районы, в том числе Правобережную Украину).

Содержание этого письма шефу жандармов нам неизвестно. Но видимо, это был очередной донос, поскольку, по ее собственным словам, оно вселило в сердца всех, ознакомившихся с ним, "ненависть и месть" против нее.

В эти тревожные дни, когда восстание распространилось на Волынь, Подолию и докатилось до Киевской губернии, Каролина отважно отправилась навестить мать в Погребище.

На дорогах всюду сторожевые контрольные посты повстанцев. То и дело раздается: "Стой! Кто идет?" Услышав ответ: "Маршалкова ольгополевского повята", ее беспрепятственно пропускали. Тогда она убедилась, что фамилия Собаньских – лучший мандат для патриотов. Каролина улыбалась молодым полякам в свитках с барашковыми воротниками, в кунтушах навывпуск, а внутри ее душила ненависть к этим безродным ляхам. Лишь один единственный раз ее подвергли досмотру на постоялом дворе между Балтой и Ольгополем. Но и то быстро отпустили, извинившись перед ясновельможной пани.

Вернувшись, она рассказала Витту о своих приключениях и пережитых чувствах. "Даже называть теперь себя полькой омерзительно", – призналась она.

"Напротив, самое время изображать патриотку," – мягко улыбаясь, возразил генерал. И заметив удивленный взгляд, пояснил, что его назначили в Варшаву военным губернатором. Она, конечно, едет с ним. Там ей придется стать той самой патриоткой, о чем сейчас ей так противно подумать.

– Вы, граф, хотите, чтобы я нацепила конфедератку с пером цапли?

– Ну зачем такие крайности, – успокоил он. – Будете как всегда при мне, но роль сыграете новую.

– Что за роль? – уже по-деловому осведомилась Каролина.

– Об этом мы поговорим в Варшаве.

Витт спешил в только что оставленную повстанца-

ми польскую столицу, где ему предстояло в качестве военного губернатора и председателя уголовного суда вершить расправу над пленными патриотами. Те же, кто сумел перейти границу, — около ста тысяч офицеров и солдат — стали изгнанниками, превратились в скитальцев.

Больше всего эмигрантов скопилось в Дрездене. Город буквально был наводнен ими. Не все смирились с поражением, многие жили надеждой, вынашивали замыслы новых выступлений. В этом смысле Дрезден был с точки зрения царских властей опасным гнездом, откуда можно ожидать в любой момент перелета "журавлей" — эмиссаров эмигрантского центра для организации партизанских действий. Витт располагал на этот счет кое-какими данными, однако, явно недостаточными. Самое лучшее опередить противника. Настало время посвятить Каролину в его замысел, решил Витт.

Операция будет состоять из двух частей, начал он. Выполнить первую сравнительно легко. Для этого потребуется разыграть из себя патриотку, хотя это ей и не по душе. Такую, чтобы ни у кого не осталось сомнения на сей счет. Даже у тех, кто знает о ее перехваченном письме.

Вторая часть посложнее: проникнуть в среду эмигрантов, выведать их планы, намеченные сроки выступлений и имена исполнителей.

Каролина поняла, что придется ехать в Дрезден. Понимала и то, как это опасно. Участь Бошняка, каз-

ненного повстанцами, отнюдь не прельщала. Как и судьба тех царских шпионов, над которыми в августе учинила самосуд разъяренная варшавская толпа, ворвавшись в тюрьму и повесив их на фонарях.

“Меня там просто-напросто прихлопнут эти ваши патриоты,” — поправляя кружева на платье, с деланным спокойствием произнесла Каролина.

В успехе она может не сомневаться, успокоил ее Витт, лишь бы удалась первая половина спектакля. Чем успешнее, вернее, чем убедительнее сыграет она в ней, тем легче и безопаснее сможет действовать во второй.

Ни один человек, заверил Витт, не будет посвящен в операцию, кроме него самого и наместника Паскевича.

Вскоре по Варшаве начали распространяться слухи о том, что за спиной царского сатрапа Витта действует чудо-женщина. Она спешит к каждому, кого генерал собирается покарать. Будто бы посещает казематы, присутствует на допросах. И часто одно ее слово смягчает участь несчастных. По секрету передавали, что она даже помогла кое-кому бежать, причем, вывезла в собственной карете за заставу...

Склонная к романтическим преувеличениям Варшава быстро уверовала в блуждающие слухи и готова была молиться за избавительницу.

Нашлись и те, кто подтвердил, что им удалось избежать каторги благодаря вмешательству Каролины Собаньской. Витт освободил якобы по просьбе Со-

баньской двух-трех заключенных, а одному она помогла "бежать". Этого было достаточно, чтобы слух проник в среду эмигрантов.

В числе свидетелей оказался, например, Михаил Будзынский, связанный с галицийским подпольем. Где только было можно, он с восхищением рассказывал о Собаньской, которая помогла ему спастись и "избавила многих несчастных офицеров польского войска от Сибири и рудников".

Приведу еще одно свидетельство из воспоминаний Богуславы Маньковской, дочери знаменитого генерала Домбровского.

"Когда ни у кого не было надежд, — писала она, — над несчастными жертвами кружил ангел спасения и утешения в лице Каролины Собаньской... Пользуясь влиянием, которое имела на генерала, она каждый час своего дня заполняла каким-либо христианским поступком, ходила по цитаделям и тюрьмам, чтобы освободить или выкрасть пленных...

По ее тайному указанию узников приводили в личный кабинет Витта, где в удобный момент пани Собаньская появлялась из-за скрытых портьерой дверей, и одного слова, а то и взгляда этой чародейки было достаточно, чтобы сменить приговор на более мягкий".

Как видим, авантюристка хорошо поработала на легенду. Витт, как обычно, направлял ее и усердно помогал. Теперь и самый недоверчивый поверил бы в превращение Каролины. Все забыли, что она много

лет связана с царским генералом и никогда не числилась в патриотках. А как же ее перехваченное донесение? Его объявили подложным и предали забвению.

Словом, первая половина спектакля прошла вполне успешно. Почва была подготовлена, можно отправляться в Дрезден. Тем более, что был и повод для поездки.

Ее дочь, которую в свое время Каролина выкрала у бывшего мужа (причем, так искусно, что даже его восхитила своей ловкостью), находилась в Дрездене и собиралась замуж за молодого князя Сапегу.

В Дрездене Каролину встретили чуть ли не как национальную героиню. Одни видели в ней вторую Клаудину Потоцкую, воплощенного ангела доброты, ниспосланного для утешения и поддержки изгнанных с родины соотечественников. Во время восстания графиня Потоцкая стала санитаркой, а после в Дрездене ею был основан комитет помощи польским эмигрантам. Другие сравнивали Собаньскую с не менее знаменитой Эмилией Платер — отважной кавалерист-девицей, воспетой Мицкевичем.

Всего несколько недель пробыла Каролина в Дрездене. За это время успела войти в среду эмигрантов, проникнуть на их собрания, где ее принимали за свою и где она, уподобясь тетке, многое услышала и запомнила.

С поразительным цинизмом говорит она о том, что исключительно ради намеченной цели общалась с

поляками, внушавшими ей отвращение. Ей удалось приблизить тех, нагло повествовала она, общение с которыми вызывало у нее омерзение. Наиболее ценным знакомым стал Исидор Красинский, в прошлом командир уланского гвардейского полка, а ныне глава польского комитета в Дрездене, тесно связанный с князем Чарторыйским, одним из лидеров эмиграции. Этот Красинский, по ее словам, хотя и красавец, был ограниченным и честолюбивым. Ей ничего не стоило войти к нему в доверие.

"Я узнала заговоры, которые замыслились, — признавалась она, — тесную связь, поддерживавшуюся с Россией, макиавеллистическую систему, которую хотели проводить". Ей открылся "мир ужасов", она увидела, "сколь связи, которые были пущены в ход, могли оказаться мрачными".

Собаньская спешит переправить Витту несколько не терпящих отлагательств сообщений, которые "помогли ему делать важные разоблачения". Витт докладывает о полученных им ценных агентурных сведениях наместнику и использует их в своих донесениях в Петербург.

Можно думать, что на совести Собаньской не одна человеческая жизнь. В том числе провал партизанской экспедиции полковника Заливского и гибель многих ее участников; раскрытие подпольной сети патриотов в Кракове и Галиции; захват эмиссаров, перебрасываемых в Польшу для организации партизанских отрядов.

Так, действуя с холодным самообладанием авантюристки, Собаньской удавалось находиться по обе стороны баррикад.

Казалось, услуги, оказанные ею, должны были быть щедро оплачены.

Ни прозорливый Витт, ни она сама не могли предугадать, а тем более знать, как будут реагировать в Петербурге, когда там узнают о похождениях Собаньской. Ведь ни одна душа, кроме двух лиц, не догадывалась о подлинных целях ее метаморфозы и пребывания в Дрездене.

Между тем известие о превращении Собаньской произвело весьма неблагоприятное впечатление, пало тенью на Витта, вызвав недовольство в высших сферах.

Всем казалось, что опала Витта близка. Недруги генерала злорадствовали, подливая масло в огонь. Старый ловелас совсем-де подпал под башмак своей содержанки, во вред отечеству исполняет каждую ее прихоть, танцует под дудку этой обольстительницы, возомнившей себя новоявленной Юдифью, спасающей соотечественников.

Пока Каролина находилась в Дрездене, следуя, как сама она определила свою миссию, "по извилистым и темным тропинкам, образованным духом зла", между Варшавой и Петербургом шла по поводу нее переписка. Частью ее мы располагаем, она проливает свет на те интриги, которые вели между собой царские клеветы.

Началось все с того, что наместник И. Ф. Паскевич предложил царю назначить Витта вице-председателем временного правительства в Польше.

Николай неожиданно разразился резким ответом. Поясняя свой отказ, он писал, что связь Витта с Собаньской поставила его в самое невыгодное положение. Что касается отношения к ней, то Николай сформулировал его так: "Она самая большая и ловкая интриганка и полька, которая под личиной любви и ловкости всякого уловит в свои сети, а Витта будет за нос водить в смысле видов своей родни".

Характеристика, как видим, довольно злая и точная. Кто-то, надо полагать, постарался соответствующим образом настроить царя. Впрочем, не так уж трудно предположить, кто именно. Достаточно назвать одно имя, весьма могущественное, чтобы понять, откуда дул ветер. Брат царя Константин Павлович в недавнем прошлом фактический наместник в Королевстве Польском всегда относился к Витту неприязненно, называл его обманщиком и негодяем, "канальей, подобно которой свет не производил", и для которого не существуют ни религия, ни закон, ни честность. И хотя Константин незадолго перед тем почил в бозе, мнение его продолжало оказывать влияние на царя, а враги Витта умело этим пользовались.

К тому же была жива княгиня Лович, из-за которой, собственно, не состоялось восшествие Констан-

тина на российский престол. Морганатическая супруга великого князя, полька по рождению, переняла отношение к Витту от своего супруга и, надо думать, тоже не способствовала его преуспеваю. К тому же у нее могли быть и личные счёты с Виттом: когда-то он пытался ухаживать за ней.

Получив ответ Николая, Паскевич спешит успокоить его, уверяет, что пресловутая полька вполне предана законному правительству и "дала в сем отношении много залогов". Что касается ее родственных связей с поляками, то они "но сие время были весьма полезны", - замечает наместник, далее почти открыто называя вещи своими именами: "Наблюдения ее, известия, которые она доставляет графу Витту, и даже самый пример целого польского семейства, совершенно законному правительству преданного, имеют здесь влияние". Веским аргументом был довод насчет преданности ее семьи. Не один год верой и правдой служили престолу ее отец и братья. Адам, в свое время адъютант Витта, делал блестящую военную карьеру. Генрих также был связан с Виттом, можно думать, интересами полицейского сыска.

Может быть Николай и прислушался бы к словам наместника. Но в этот момент ему, видимо, стало известно еще одно донесение. Автором его был не кто иной, как управляющий Третьим отделением А. П. Мордвинов, сменивший на этом посту покойного фон Фока. Новый шеф сыска считал, чтобы не было причин тревожиться насчет Польши, следует заме-

нить лишь одно лицо на того "кто смыслит в делах управления и умеет держать себя самостоятельно".

Намек слишком прозрачный, чтобы его не понять. Тем более, что в донесении и прямо упомянута Собаньская, "продолжающая иметь большую силу над графом Виттом".

Однако чашу терпения царя переполнило другое сообщение по поводу Собаньской.

Из Дрездена поступил о ней отзыв посланника Шредера. Не зная истинную причину появления там польки, обманутый ее провокаторским общением с соотечественниками-эмигрантами, он поспешил об этом оновестить Петербург.

Разгневанный вконец Николай переслал депешу посла наместнику в Варшаву, сопроводив ее припиской о том, что его мнение насчет Собаньской подтверждается. "Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабе, которая ищет одних своих польских выгод под личной преданностью, и столь же верна Витту как любовница, как России, быв ее подданная".

Это было равносильно приговору. Впрочем, он прозвучал вполне конкретно: графу Витту открыть глаза насчет Собаньской, а "ей велеть возвратиться в свое поместье на Подолию".

Удар был неожиданный, а главное несправедливый. Преданная служба Собаньской не прибавила ей любви тех, ради кого, собственно, она старалась рисковать, подтичала, доносила.

Для Каролины наступили трудные времена. Она

оказалась на краю пропасти. Неужели у нее и у Витта есть враги на берегах Невы? Может быть, действует проклятие мстительной прабабки? Нет, скорее всего она просто перестаралась тогда в Варшаве и Дрездене.

Поразмыслив, взвесив ситуацию и, конечно, обсудив ее с Виттом, она садится за стол и пишет своему главному шефу Бенкендорфу письмо. Прекрасным французским языком излагает Каролина свою обиду.

Ее письмо поразительно по своей откровенности. Видимо, на это и был расчет. Однако невольно она полностью выявила в нем свою безнравственную сущность. То, чего как раз так не хватало для вынесения окончательного приговора над Собаньской.

Своим посланием Бенкендорфу она разоблачила себя и представила суду Времени решающую против себя улику. (Отдельные места этого послания, где она говорит о том, что делала и узнала в Дрездене, уже здесь цитировались). Впрочем, не будем спешить с воображаемым возмездием. Обратимся к документу.

Послание Собаньской к Бенкендорфу довольно обширное, поэтому сошлюсь лишь на те его места, где наиболее ярко она сама характеризует свою деятельность.

С полным смирением (конечно ханжеским), безропотно Каролина готова принять уготованную ей участь. Но ее ужасает мысль, что она так жестоко судима, а ее преданная служба так недостойно искаже-

на. Разве не была она откровенной в своих донесениях, которые поставляла еще задолго до польских событий. "Благоволите окинуть взором прошлое: это уже даст возможность меня оправдать", — намекает она на свои заслуги по части политического сыска. Никогда женщине не приходилось проявлять больше преданности, продолжает она, больше рвения, больше деятельности в служении своему монарху, чем проявленные ею часто с риском погубить себя.

По всему видно, что Бенкендорф посвящен в ее "успехи" и осведомлен о ее "заслугах" в прошлом. Поэтому она не особенно задерживается на том, что было, лишь вкратце напоминает об этом. Ей важно объяснить по поводу настоящего момента. Прежде всего о пребывании в Варшаве и Дрездене. Впрочем, о своих достижениях в Варшаве она говорит всего одной фразой: "Витт вам расскажет о всех сделанных нами открытиях".

Главное для нее рассеять заблуждение о целях ее поездки в Дрезден. Не таясь (ей ли опасаться шефа жандармов, которому она не первый год служит), Каролина открыто заявляет, что отправилась в Дрезден по заданию Витта, который дал ей указания, какие сведения она должна была привезти оттуда. Задание было сверхсекретное, поэтому Витт не мог прямо сообщить о нем в своем рекомендательном письме русскому посланнику Шредеру. Единственное, что Витт сделал, намекнул, что он отвечает за убеждения подательницы его письма. К несчастью

Каролины, дипломат не уловил смысла этой фразы. Иначе он не удивлялся бы тому, что увидел и узнал о поведении польки, прибывшей из Варшавы. Без особого труда эта самая полька вошла в среду эмигрантов, куда посол, несмотря на все старания, не мог проникнуть.

Уже говорилось о том, что удалось Собаньской в Дрездене: раскрыть планы эмигрантов, их тайные связи с родиной, выявить имена патриотов, готовившихся к действиям на территории Польши.

Все это она подтверждает в письме, сожалея лишь, что стала жертвой недоразумения, а может быть и навета.

С подобострастием верной служанки она просит, если не о справедливости, то о снисходительности, умоляет Бенкендорфа содействовать тому, чтобы монарх, преданность которому — ее вторая религия, сменил гнев на милость. "Я более, чем несправедливо обвинена, — сетует она, — и это несчастье не в первый раз со мной случается".

Понимая, что они с Виттом повязаны одной веревкой, без него она ничто, Каролина уверяет, что дорожит в мире лишь им одним. "Мои привязанности, мое благополучие, мое существование — все в нем, все зависит от него". Как всегда у нее трудно понять, то ли она лицемерит, то ли говорит правду. Впрочем, этот пассаж в письме скорее всего рассчитан на то, чтобы продемонстрировать ее отношения с Виттом. Мол, это не случайная связь, а чуть ли не сама лю-

бовь. Все дело будто лишь в том, что кем-то эти отношения были "недостойно искажены".

Таков этот документ, продиктованный отчаяньем опальной агентки, и потому должно быть столь откровенный. В другое время Собаньская поостереглась бы так саморазоблачаться. В конце концов она могла бы и промолчать, безропотно подчиниться воле монарха. Никто ее, как говорится, не тянул за язык. Но в том-то и дело, что она была уязвлена в своих лучших верноподданических чувствах, именно несправедливость и побудила высказаться так искренне.

По всей видимости, Бенкендорф не внял просьбе Собаньской. Поздно было хлопотать об отмене решения монарха, да и опасно. Лучше потерять одного агента, чем испытывать самолюбие царя, уже принявшего решение.

Однако возникает вот какой вопрос. Мог ли Николай не знать о секретной работе Собаньской?

Агентурная деятельность Собаньской, в провокационных целях выдававшей себя за противницу самодержавия, велась настолько умело и тонко, была так законспирирована, что даже высшие сановники и сам Николай вполне могли подозревать ее в политической неблагонадежности.

Но возможно также, что фон Фок и Витт просто-напросто не спешили с раскрытием источника сведений, которыми они пользовались в целях собственной карьеры. Известно, что "в секретных сообщениях Витт не указывал имен своих агентов". Суще-
существо-

вало положение, согласно которому даже перед высшими сановниками руководитель сыска имел право не называть имена своих агентов во избежание их де-конспирации.

Как бы то ни было, Каролине пришлось подчиниться распоряжению его величества и покинуть Варшаву. Ей надлежало тотчас отправиться в свое имение Ронбаны-мост, заброшенную украинскую деревеньку. По дороге туда Каролина остановилась у сестры в Минске, где надеялась дожидаться ответа на свое письмо Бенкендорфу.

Более ста лет письмо это пролежало в секретной папке царского архива и только в начале тридцатых годов нашего столетия было извлечено оттуда на беду репутации Собаньской и к нашей радости, ибо мы радуемся всякой находке, проливающей свет на отношения Пушкина с его современниками.

Что касается ответа на ее послание, то он до нас не дошел, хотя, возможно, и был написан. На ее обнаруженном письме есть пометка о том, что 4 декабря 1832 года Бенкендорф ей ответил.

КАЮЩАЯСЯ ГРЕШНИЦА

В заброшенной где-то на Подолии и запорошенной снегом деревеньке Каролина размышляла над тем, сколь несправедливо обошлась с ней судьба. Не иначе, как действует проклятие, на которое когда-то мстительная прабабка обрекла весь род Ржевуских.

И она, Каролина, жертва этого проклятия. Ей кажется, что до конца своих дней не покинет она тишины и одиночества деревенских просторов. Лишь иногда навещает она Погреббище, да наездами бывает в шумном Киеве.

В уединении ее изредка посещают знакомые, соседи — помещики, к ней приезжает виттовский адъютант капитан С. Х. Чиркович, которого она знала еще по Одессе и Варшаве.

Родом серб, офицер австрийской армии, Степан Христофорович Чиркович перешел на русскую службу, где перед ним открылась возможность карьеры.

Каролине, томящейся в одиночестве, оторванной от светской жизни, начинает казаться, что этот офицер мог бы составить ее счастье. Она понимает, что теперь на Витта надежды совсем нет. Судьба их развела. Испугавшись лишиться карьеры, ее бывший обожатель спасовал, решил пожертвовать своей возлюбленной. Она все реже получает от него письма.

Что ж, пора ей всерьез подумать о своем будущем. В самом деле, чем не муж этот Чиркович. Представителен, удостоен золотой сабли самим государем, кавалер орденов, а главное, говорят, богат. За неимением лучшего и этот подойдет. Тем более, что он без ума влюблен и обещает быть ей верной опорой и защитой. Есть, правда, у него недостаток — чересчур набожен. Черта эта была у него действительно столь развита, что даже ей, обычно не пропускавшей мессы и соблюдавшей все обряды веры,

она кажется чрезмерно преувеличенной. Но зато это человек с рацарским характером.

Словом, подумав, взвесив все за и против, Каролина дала согласие быть женой отважного воина.

"Наконец-то Лолина взялась за ум", — вздохнул с облегчением клан Ржевуских и поспешил снять затянувшийся бойкот. Одному только Бальзаку, узнавшему о перемене родных к Лолине, все это кажется крайне неестественным: "Ранее ты утверждала, — пишет он Эвелине, — что твоя сестра Каролина — самая опасная из всех женщин, а теперь ты считаешь ее настоящим ангелом. Дело, которое намеревается совершить этот ангел, я считаю отчаянной глупостью". И предсказывает, что брак с Чирковичем "будет очень несчастливый".

Как бы в ответ на эти слова, Каролина заявляет, что ее счастье будет зависеть только от нее, от ее рассудка, ее послушания воле супруга. Она всегда будет стремиться к тому, что для нее хорошо. И словно оправдываясь в своем браке, напишет впоследствии: "Я убеждена, что бог в бесконечном милосердии к каждому из своих чад хотел для меня этого союза: он был необходим для моей натуры, которая не может обойтись без руководителя..."

"Недостаток" нового мужа сказался на другой день после свадьбы. Добродетельный супруг заявил, что намерен всерьез заняться спасением заблудшей души Каролины. Он потребовал перемены во всех ее привычках. Только так она "обеспечит его уваже-

ние". Лолина должна начать упорную борьбу с двумя своими врагами. Одним является она сама, вторым — светская жизнь. Чтобы завоевать уважение бога и людей, наставлял "проникнутый идеей долга" супруг, нужно пройти утомительный и долгий путь.

Под влиянием теософа Каролину охватывает желание откровенного и истинного покаяния. Как когда-то она подчинялась воле Витта, так теперь ее "податливое" сердце готово служить новому повелителю. Он берется ей помочь, если она действительно осознала такую необходимость, и рассказывает о мистической секте, основанной покойной баронессой Крюденер. Оказалось, что Чиркович давний приверженец ее неохристианского учения, (попросту говоря, она занималась мистически-экзальтированными пророчествами, что было в духе эпохи).

Так Каролина вместе с мужем, вышедшим к тому времени в отставку, попала в крымскую колонию женщин-мистиков, а вернее полупомешанных фанатичек, обосновавшихся в Кореизе. Наследницы религиозной кликуши Крюденер, ее дочь баронесса Беркгейм и княгиня Голицына, приотили страждущую очищения и покаяния чету Чирковичей.

Вскоре, однако, княгиня переселилась в вечность и во главе лагеря монахинь осталась баронесса Юлия Беркгейм. Уверовав в сверхъестественную миссию баронессы и ее приверженцев, Чиркович продолжал убеждать Каролину, что только здесь она сможет спасти свою душу от вечного проклятия.

Кающаяся грешница получила имя Долороса, ей предписали строгое покаяние в полном одиночестве. Она поселилась в Розовом домике, где занялась изучением мистических текстов. И вскоре, как говорили, ее нельзя было узнать: она быстро овладела языком сектанток и изъяснялась на туманном мистическом жаргоне.

Столь же туманны и ее письма к родным, в которых новообращенная призывает их спасти свои души, убеждает познать подлинную Любовь — прозрение и просвещение.

Покаяние покаянием, а жить на что-то было нужно. Но тут выяснилось, что убежденный теософ, кроме как мистическим пылом, ничем не обладал. Во всяком случае надежды Каролины на то, что муж обеспечит ее старость хлебом насущным, не оправдались. Срочно надо было искать доходное место. Только четыре года спустя ее мужа, наконец, зачислили в штат новороссийского генерал-губернатора. А в 1845 году Чиркович занял должность бессарабского вице-губернатора. Но через год вынужден был "из-за характера" выйти в отставку, после чего вскоре умер.

Каролина снова оказалась без покровителя. Ее вновь преследует страх, что она кончит дни на паперти, вымаливая подающие.

Сохранив верность памяти покойного мужа и святошам из Коренза, она ищет такое место для дальнейшего покаяния, которое было бы менее стро-

го по распорядку и не так далеко от светских развлечений. Поразмыслив, Каролина направляется в вичный город, где находит прибежище у отцов-иезуитов.

Но неужели ее страсть к покаянию — искреннее желание замолить старые грехи? Неужели раскаяние терзало ее совесть?

Бывшие ее партнеры, отыгравшие свои роли Витт и Бошняк, давно уже пребывали в ином мире, а Каролина все еще продолжала исполнять свою партию. Правда, амплуа с возрастом и временем пришлось сменить. Теперь она чаще всего выступает в роли кающейся грешницы. Но не угрызения совести преследовали ее, "она оплакивала грешную и бурную молодость", вспоминал М. Будзинский, встречавшийся с ней тогда в Риме. На этот раз она находит путь получить отпущение грехов, избегнув длительного покаяния и обратившись к силе кошелька взамен изнурительных молитв и постов.

Постепенно сестра Долороса превращалась в прежнюю Лолину. Ей было уже за пятьдесят, но ее красота, казалось, стала еще ослепительнее. Забыв о покаянии, она начала искать нового покровителя. Каролина пускается в путь. Она едет в Париж, где теперь живет ее сестра, вдова Бальзака. С ее помощью Лолина рассчитывает проникнуть в литературный мир французской столицы и, если удастся, найти здесь себе господина.

Видимо, действовала она решительно, ибо скоро в Варшаве распространился слух, что Каролина

обручена с известным критиком Сент-Бевом. Утверждали также, что она имела виды на своего старого знакомого Адама Мицкевича, с которым снова встрети­лась в Париже. Однако поэт будто бы остался равнодушным к ней. Тогда молва передала пани Чиркович в объятия Эжена Скриба — фабриканта комедий. Но и этот слух вскоре был опровергнут новым.

Каролина из Ржевуских стала законной супругой малоизвестного писателя и драматурга Жюля Лакруа. Жених был на пятнадцать лет моложе невесты, но шел к алтарю, не ведая об этом.

Новый покровитель сам нуждался в поддержке. И Каролина энергично берется за дело ради карьеры своего господина. В салоне мадам Лакруа на улице Сент-Оноре стал собираться цвет парижского Парна­са. Привлекали неувядаемая красота и недюжинное красноречие хозяйки. В одном из писем в Варшаву сообщалось, что "мадам Лакруа сладчайшим голосом, изысканными выражениями, томными взглядами очаровывает, ласкает, пестует всех академиков, каких только может завлечь в свой салон".

Как тут не вспомнить тетку Розалию и ее знаменитый салон в Вене! Однако теперь, можно признать, что ученица превзошла свою наставницу.

Вспоминала ли Каролина прошлое?

Если и нет, то ей постоянно напоминали о нем и встречи с Владиславом Мицкевичем, сыном поэта, и вопросы его польских биографов, приезжавших из-за нее в Париж, и расспросы любопытных гостей.

Один только Жюль Лакруа никогда не интересовался ее прошлым, как, впрочем, и возрастом. Очарованный супруг посвятил Лолине сонет, который открывал сборник его стихов "Скверный год", изданный в 1872 году.

Это был последний гимн, пропетый в честь Каролины на восьмидесятом году ее жизни.

Мосье Лакруа не знал и того, что его жену когда-то воспели два великих поэта, которым она причинила немало зла. "Почему зла? — удивилась бы она, отвечая на наше суровое обвинение. — В своих поступках я руководствовалась прежде всего интересами своего класса и видела свою задачу как раз в том, чтобы помогать искоренять зло, которое тем опаснее, что его носителями выступают известные поэты".

Типичная позиция тех, чью совесть не беспокоили мысли о суде потомков.

Каролина из Ржевуских умерла 19 июля 1885 года.

Незадолго перед смертью она призналась мужу, к тому времени совершенно ослепшему, что обманула его — она на пятнадцать лет старше, ей девяносто один год и семь месяцев. Это была, может быть, самая безобидная ее ложь.

Загадка, говорит Стефан Цвейг, будит творческую мысль. Слова эти можно отнести и к Каролине Собаньской.

Почему ее образ и поныне тревожит нас? Не потому ли, что ее жизнь покрыта туманом таинственности? Порой даже кажется, не было ли в этом умысла: сделать так, чтобы поменьше осталось сведений о ней. И не потому ли до нас не дошло ни одного ее изображения? Словно она боялась, что ее опознают, и не хотела быть узнанной даже на полотне или фотографии. Лишь мимолетный ее абрис запечатлел набросок Пушкина, впрочем, точной уверенности, что он принадлежит Собаньской, все же нет. Облик ее как бы растворился во времени, стал трудноуловимым, какой и была сама Собаньская при жизни. Имя ее, возможно, так и осталось бы в вечном забвении на листках агентурных донесений, хранящихся в пыльном архиве.

Мы вспоминаем сегодня о Собаньской, как вспоминаем о других недругах и гонителях Пушкина — жандарме-лицемере Бенкендорфе, "обходительном" сыщике фон Фоке, генерале-шпионе Витте, литераторе-фискале Булгарине. В этот ряд вполне уместно поставить и агента-provокатора Собаньскую, талантливо сочетавшую в себе многие ипостаси.

Но и этого, быть может, недостаточно, чтобы,

не ограничиваясь петитом примечаний, посвящать ей специальные исследования и биографические очерки.

В нашей памяти Каролина Собаньская сохранилась еще и благодаря тому, что однажды поразила своей красотой, которой, как говорят в таких случаях, по ошибке наделила ее природа, впечатлительного русского поэта и его польского друга и оба они посвятили ей несколько восхитительных любовных гимнов. Увлеченные прежде всего внешней стороной облика Каролины, они не могли рассмотреть глубоко запрятанной подлинной ее сущности, увидеть, по характеристике Вигеля, "сколько мерзостей скрывалось под щеголеватыми ее формами".

Можно сказать, что Каролина Собаньская была типичной фигурой эпохи, когда самодержавие, испытывая страх перед революционным взрывом, преследовало и подавляло все живое, следило за каждым шагом "недовольных", прибегая к провокациям и поощряя доноительство. В случае с Собаньской перед нами своего рода историко-литературный парадокс. Трудно бывает представить, чтобы один и тот же человек был бы столь же красив внешне, сколь и омерзителен внутренне. Обольстительная лицом и телом, Собаньская была порочна душой и поступками. Но разве прекрасное и злое — "две вещи несовместные"? Диалектика жизни зачастую бывает гораздо сложнее прямолинейно-логических построений. В этом смысле характер Собаньской противоре-

чив лишь во внешнем своем проявлении. Сам по себе он не представляет загадки – это характер авантюристки.

Такова Каролина Собаньская – подручная фон Фока и Витта, имя которой заклеила история.

РОМАН БЫЛЮСОВ

ОПАСНАЯ АГЕНТКА

Серия „Знаменитые авантюристы и авантюристки“.

Редактор С. Тишина

Художник Д. Гончарова-Джурович

Художественно-технический редактор А. Агафонов

Подписано к печати 21.09.90. Формат 60 x 84 1/32.

Печать офсетная. Объем 3,0 п. л. Усл. п. л. 2,79.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 1891. Цена 4 р.

СП „Корона“. РИФ „Корона-принт“.

Отпечатано с диапозитивов РИФ „Корона-принт“.

Фабрика офсетной печати № 2

Министерства печати и массовой информации РСФСР.

141800, г. Дмитров Московской области,

Московская, 3.

